

Альбрехт
АДАМ
Русский альбом

К
КУЧКОВО ПОЛЕ
Москва

УДК 930.85
ББК 63.3(2)6-7
А92

Издание подготовлено при поддержке Фонда «Связь Эпох»

Составители *Б. И. Асвариц, Г. В. Вилинбахов*
Вступительная статья *Б. И. Асварица*
Авторы комментариев *Г. В. Вилинбахов, Р. Г. Григорьев*
Куратор проекта *А. А. Евдокимова*
Художник *К. Е. Журавлев*
Перевод с немецкого *Т. А. Граблевской*
Фотограф Государственного Эрмитажа *П. С. Демидов*
Корректор *Т. Е. Ширма*
Верстка *П. М. Ермакова, М. А. Роговой*
Цветокоррекция и допечатная подготовка *П. М. Ермакова*

Содержание

<i>Б. И. Асвариц</i> . Вступление	6
<i>А. Адам</i> . Из жизни художника-баталиста	13
Русский альбом	45

Адам А.
А92 Русский альбом / сост. Б. И. Асвариц, Г. В. Вилинбахов;
вступ. ст. Б. И. Асварица; коммент. Г. В. Вилинбахова,
Р. Г. Григорьева; пер. с нем. Т. А. Граблевской. — М.: Кучково поле,
2016. — 212 с.: цв. ил.
ISBN 978-5-9950-0540-7

Фрагмент воспоминаний А. Адама «Из жизни художника-баталиста»
печатается по изданию: *Adam A. Aus dem Leben eines Schlachtenmalers*. Stuttgart, 1886
На с. 2: А. Адам. *Автопортрет во время Русского похода*. Мюнхен, Музей города

Подписано в печать 09.11.2015. Формат 312×240 мм
Усл. печ. л. 34,35. Тираж 1000 экз. Заказ №

© ООО «Кучково поле», 2016

© Асвариц Б. И., сост., вступ. ст., 2016

© Вилинбахов Г. В., сост., коммент., 2016

© Григорьев Р. Г., коммент., 2016

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2016

© Музей города, Мюнхен, 2016

© Резиденция, Мюнхен, 2016

ООО «Кучково поле». 119071, Москва, Орджоникидзе ул., д. 10, оф. 420

Тел./факс: (495) 256 04 56. E-mail: info@kpole.ru; www.kpole.ru

9 785995 005407

В мае 1812 года он был в Италии, где получил предписание немедленно явиться в штаб Евгения Богарне, и 10 июня прибыл в Вилленберг. В тот же день был сделан первый рисунок. С армией Адам прошел весь путь до Москвы, был свидетелем всех баталий, превратностей и лишений военного быта. 11 июля он писал жене: «Я прихожу в отчаяние — два месяца марша — ради чего? У меня болит сердце оттого, что я так бездарно трачу подаренное богом время. Война! Ужасное слово... Наши злоключения за эти 14 дней описать невозможно... Кампания 1809 года в сравнении с этой кажется прогулкой»².

Пересказывать печальные обстоятельства русского похода нет смысла. Адам сам искренне рассказал о них в своих воспоминаниях «Из жизни художника-баталиста», посвятив русскому походу почти треть книги — это самые эмоциональные и красноречивые ее страницы. Читатель найдет их в этом издании.

Со штабом Богарне 14 сентября Адам вошел в Москву. Бессмысленность и жестокость происходящего в опустевшем, горящем городе, особенно неприкрытое мародерство стремительно разлагающейся армии угнетали его. «Что ты все еще здесь делаешь?.. Ты — часть единого организма, пребывающего в больном состоянии, лучшим для которого будет, если мир покроет его мраком неизвестности и позволит ему пропасть в вечном забвении, вместо того, чтобы передавать его образ потомкам». Через десять дней получив шестимесячный отпуск с обязательством вернуться весной, Адам отправился назад, в Германию. Хотя и неохотно, но Богарне отпустил его. В тот момент взятие Москвы для французов означало конец кампании, а не ее кульминацию. Ход грядущих событий представить себе никто не мог. Ждали мира, в худшем случае намеревались зимовать в Москве. «Кажется, — сетовал на судьбу участник русского похода Стендаль в письме в Париж, — мне придется провести здесь зиму, надеюсь, у нас будут концерты»³. А актриса этих несостоявшихся концертов удивлялась: «Когда мы менее всего этого ожидали, заговорили об отъезде»⁴. Даже для ближайшего окружения Наполеона приказ об отступлении был полной неожиданностью.

Счастливо избегнув печальных по последствиям встреч с казаками и партизанами, сохранив все рисунки и свой дневник, благодаря которому через сорок пять лет он смог так живо и детально воссоздать далекое прошлое, Адам навсегда

^[2] Adam A. Aus dem Leben... S. 156.

^[3] Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 15. С. 110.

^[4] Фридерих Р. Битва народов (под Лейпцигом 1813 г.) и Записки артистки Фюзиль. М., [1912]. С. 123.

он окончательно выбрал свой жизненный путь, оставив кондитера и зарабатывая на хлеб вырезанием форм и гравюрами. Два года, проведенные в Нюрнберге, сделали его профессиональным художником. Однако окончательно живописная манера Адама сформировалась в Мюнхене, где сильнейшим впечатлением была Королевская картинная галерея. «Я был словно опьянен всем там увиденным, — признавался художник. — Особенно притягивали меня нидерландцы... картины Поттера, Дюжардена, Ван де Велде, Воувермана и других»¹. Лучшей школой, где ученик сам выбирал учителей, оказалось копирование старых мастеров.

Годы учения не прервали прежних связей. Еще в 1806 году Адама специально пригласили зарисовать сцены устроенной по приказу Наполеона охоты — отлова живых оленей для отправки во Францию. Да и сам ход событий, в центре которых оказался художник, не способствовал спокойным академическим занятиям. По мере того как Бавария втягивалась в наполеоновские войны, менялся круг заказчиков. Адам пишет теперь массу портретов наполеоновских генералов, дипломатов, государственных деятелей. Они нравились легкостью исполнения, простотой форм, изящно и аккуратно прорисованными деталями, но, вероятно, прежде всего, абсолютным и льстящим сходством. (Уровень заказчиков определяется, например, тем, что он портретировал Талейрана.) С этими же заказчиками он участвует в австро-французской войне 1809 года, рисуя на полях сражений.

В том же году венскую мастерскую Адама посетили два офицера, скромно попросившие разрешения посмотреть работы. В конце визита они, между прочим, спросили, не хотел бы художник поехать в Италию. Адам ответил, что он был бы рад, но собирается в Париж, откуда получил уже выгодное предложение. Через несколько дней адъютант Евгения Богарне, который был инкогнито одним из визитеров, принес ему официальное и гораздо более соблазнительное предложение поступить на службу к Богарне в чине капитана с превосходным и гарантированным содержанием. Непременным условием, однако, ставилось требование сопровождать своего патрона повсюду «в путешествиях и войнах». Кажущееся естественным и простым условие в действительности предполагало в придворном живописце, который отнюдь не был профессиональным военным, незаурядное личное мужество — в те времена командующие армиями находились в гуще сражений. Этим качеством, как показала вся дальнейшая жизнь Адама, он обладал в полной степени. Так двадцатитрехлетний художник стал в 1809 году придворным живописцем.

^[1] Adam A. Aus dem Leben... S. 30.

Вступление

1

10 июня 1812 года в Вилленберге «принц Евгений... вручил мне прекрасный портфель сафьяновой кожи,... специально привезенный им из Парижа, дабы послужить мне для живописного дневника... похода»¹ — вспоминал через много лет мюнхенский баталист Альбрехт Адам (1786—1862). В Вилленберге (Восточная Пруссия, сегодня г. Вельбарк в Польше) находился штаб 4-го корпуса Великой армии, готовой к вторжению в Россию. Командовал им пасынок Наполеона, вице-король Италии Евгений Богарне (1781—1824), придворным живописцем которого Адам был уже три года.

В свое время Адам был весьма знаменит, но сегодня его имя мало что скажет кому-либо, кроме историков немецкого искусства первой половины XIX века. Здесь нет ничего случайного. Адам — один из тех бесчисленных «малых» мастеров, в чьих работах при всем желании не обнаружишь высших достижений человеческого духа, особенного взлета творческого начала. Их упоминают обычно лишь в связи с чем-то конкретным, имеющим непосредственное отношение не к искусству вообще, а к тем или иным его периодам, к отдельным, существенным для узких специалистов моментам. Но зато их произведения чрезвычайно удобны и убедительны для иллюстрирования разного рода умозрительных построений или определенных исторических трудов. Естественно появление работ Адама на таких концептуальных выставках, как «Мир и война глазами художника»; да и нет, пожалуй, ни одного иллюстрированного издания, посвященного Отечественной войне 1812 года, без воспроизведений картин или литографий Адама.

Альбрехт Адам родился на юге Германии, в Нёрдлингене. Его отец — кондитер и торговец специями — был не чужд искусства, собирал гравюры, рисовал акварелью цветы и фрукты и охотно поощрял рано проявившуюся страсть к искусствам у мальчика, считая, что это пригодится будущему кондитеру. Поворотным

2

3

4

5

в биографии начинающего художника оказался 1800 год. Нёрдлинген заполнили французские солдаты, и умение рисовать неожиданно принесло материальные плоды. «Мне очень понравился гренадер, стоявший на посту, — рассказывал Адам. — Я понял, что он не уйдет и его можно рисовать. Все для этого было при мне, даже акварель. Я уселся на скамеечку, принялся за дело и скоро был окружен зрителями, дружески меня ободрявшими и призывавшими своего товарища не двигаться. Когда рисунок был готов, тот с удовольствием рассмотрел его и дал мне понять, что хочет купить. Услышав это, я схватил краски и расцветил рисунок... Едва я закончил, пост занял другой. Я нарисовал и его. Потом был третий, четвертый... Так продолжалось до вечера. Последней позировала очаровательная донна»².

Все это тут же было щедро оплачено, надолго обеспечило четырнадцатилетнему портретисту постоянную и доброжелательную клиентуру и, в конце концов, открыло путь к новым знакомствам. Самым существенным здесь было то, что социальный статус заказчиков Адама стремительно повышался. Скоро он получил солидный и дорогой заказ на «портреты» двенадцати лошадей из конюшни князей Валерштейн. Впоследствии именно этот очень модный и ценимый знатоками жанр — «портреты» лошадей, которым художник, будучи сам прекрасным наездником, владел в совершенстве, сделал его известным среди самых высокопоставленных заказчиков.

В 1802 году Нёрдлинген вошел в состав Баварии, где существовала воинская повинность. Чтобы спастись от нее, в 1804 году Адам-старший, которого к тому же беспокоили успехи сына, отвлекавшие его от семейного дела, отправил его в Нюрнберг в учение к своему коллеге. Альбрехт внешне покорился воле отца, но все свободное время проводил в местной школе рисования. Через пять месяцев

^[2] Adam A. Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Selbstbiographie nebst einem Anhangе. Hrsg. von H. Holland. Stuttgart, 1886. S. 8.

^[1] Цитаты из воспоминаний А. Адама «Из жизни художника-баталиста» по настоящему изданию даются без сносок.

покинул Россию 5 октября. О бесславном исходе похода он узнал только дома, в Мюнхене, в конце декабря.

С 1817 года Богарне, после женитьбы на дочери короля Баварии Максимилиана I, жил в Мюнхене как герцог Лейхтенбергский. Адам все так же был с ним тесно связан, но уже не в качестве придворного живописца, обязанного обслуживать исключительно своего хозяина. Картины художника на сюжеты русского похода пользовались спросом, их охотно заказывали и покупали. Батальный жанр достиг тогда в Баварии наивысшего расцвета, и Адаму приходилось выдерживать конкуренцию не менее мастеровитых и известных П. Хесса, В. Кобеля, К. Хайдека, Д. Монтена. Однако во всем, что касалось русской темы, репутация очевидца обеспечивала ему безусловное предпочтение заказчиков и покупателей. Наверно, для зрителей не было лучшей рекомендацией аутентичности изображенного на его картине, выставленной в дрезденской Академии художеств в 1818 году, чем указание в каталоге после названия «Эпизод битвы под Москвой» (так обычно в Европе именовали Бородинское сражение) — «Зарисовано с натуры и позднее исполнено Адамом... бывшим тогда в свите сегодняшнего герцога Лейхтенбергского»¹.

Бородино Адам писал неоднократно. В 1823 году кронпринц Людвиг Баварский заказал ему большую (202×320) композицию (она была закончена в 1835 году), предназначавшуюся для зала сражений новой мюнхенской королевской резиденции. В 1845 году один из вариантов «Бородино» выставлялся в Мюнхене². Наряду с крупноформатными, панорамными композициями успехом пользовались небольшие полотна с изображением эпизодов, чей драматизм особенно привлекал зрителей: «Смерть генерала Коленкура во время атаки батареи в битве под Москвой», «Смерть графа Карла Витгенштейна при Бородино», и они неоднократно повторялись. Когда Адам умер, в его мюнхенской мастерской на мольберте стоял незаконченный очередной вариант «Смерти Витгенштейна». Но особенно выразительно Бородино после сражения с неубранными погибшими солдатами и брошенными лошадьми. Постепенно художник осознавал истинный трагизм войн. В 1852 году он написал то, очевидцем чего не был, — возвращение армии из России. Картина «Конец» (французский кирасир с изможденной лошадью в бескрайней, излучающей холод

снежной пустыне бредет мимо замерзших солдат и лошадей) — не спекуляция на расхожем в середине XIX века сюжете, выбивающем слезу у зрителя, а горький итог размышлений не только о русском походе.

За 93 дня марша до Москвы Адам сделал более 300 рисунков. Эту цифру, вероятно, со слов самого Адама приводит его первый биограф³. Сначала преобладали почти законченные, аккуратные, со многими деталями проработанные акварели. Но постепенно, по мере возрастания тягот похода, их сменили быстрые наброски тушью или карандашом, а нередко, о чем без лишней скромности он вспоминал, под артиллерийским обстрелом приходилось довольствоваться быстрыми, а иногда беглыми зарисовками для памяти. Через полгода в Милане Адам показывал свои рисунки Богарне, «который просмотрел их внимательно и с интересом до последнего листочка, был рад, что я так много сделал и сберег, просил привести все в порядок и беречь до новых распоряжений»⁴. Они последовали через три года: «В 1815—1825 годы наряду с другими работами выполнил я для принца Евгения по собранным в России рисункам нечто вроде живописного дневника — альбом воспоминаний о русской войне — 83 изображения маслом на бумаге»⁵.

Наполеон и его сподвижники воспринимали себя вершителями истории, которую оставалось только записать и проиллюстрировать придворным хронистам и живописцам. Конечно же роль Адама в 1812 году не заключалась в сборе материала для скромного домашнего альбома. Ему предстояло создать «победоносные» полотна, прославляющие военные триумфы великого полководца. После 1815 года таковые стали неуместны — заказать их Евгению Богарне было не суждено.

Вообще, особую ценность тогда приобрели воспоминания о тяготах стоически проделанного похода, бытовых, делающих жизнь несносной мелочах, которые скоро бы забылись в случае победы, а теперь преобладали практически во всех рассказах очевидцев. Читая их, понимаешь с первых страниц, повествующими о пережитом, а людьми, оценивающими произошедшее после нежданного и бесславного поражения. Это определило возникновение многочисленных картин и гравюр, изображающих самые печальные сцены гибели наполеоновской армии.

¹ Verzeichnis der im Auguststage in der Königlich Sächsischen Akademie der Künste öffentlich ausgestellten Kunstwerke. Dresden, 1818. Nr. 482.

² Kunstblatt. 1845. Nr. 87. S. 362.

³ Nagler G. K. Neues allgemeines Künstler-Lexicon. Bd. 1. München, 1835. S. 17.

⁴ Adam A. Aus dem Leben... S. 265.

⁵ Ibid. S. 302.

В альбоме Адама подобной тенденциозной ретроспекции нет. Он предназначался лишь узкому кругу семьи и приближенных Богарне. Других зрителей не было. Самому Богарне, что по-человечески понятно, было интересно вспоминать меняющиеся день за днем пейзажи, экзотические ночлеги под открытым небом, живые сценки, разыгрываемые маркитантками, солдатами и офицерами его корпуса, деревни, местечки, переправы через реки, сражения, где он сразу же находил себя среди штабных офицеров или рядом с Наполеоном. К тому же Богарне не нуждался в изощренных композициях, изысканностях рисунка или особенных колористических эффектах. Он хотел лишь видеть и узнавать то, что было с ним и непосредственно вокруг него — перед своими близкими Богарне не рядился в тогу героя, не примерял маску мученика, мог позволить себе быть самим собой.

Адам великолепно справился с этой задачей, так как был бесконечно далек от проблем, волновавших и усложнявших жизнь художникам, прежде всего олицетворяющим для нас искусство XIX века. По складу характера, образу мышления он был типичным придворным живописцем-ремесленником, полагавшим главным для себя обязательное и безукоризненное исполнение принятых обязательств, готовый немедленно выполнить любое пожелание, и уж тем более, требование заказчика, находящий подтверждение качества своей работы исключительно в высочайшем одобрении. И судьба была благосклонна к нему. Постоянная работа давала надежное ощущение душевного равновесия, хорошо оплачиваемые заказы обеспечивали материальное благополучие. Из десяти его детей четверо стали художниками, и на их поддержку он всегда мог опереться¹. Ему посчастливилось не потерять благосклонность заказчиков и не пережить свою славу. За несколько месяцев до смерти он успел закончить свои воспоминания и колоссальную (350×500) баталию «Битва при Цорндорфе», заказанную Максимилианом II к столетней годовщине сражения русской армии с войсками Фридриха Великого в 1758 году.

Адам очень четко осознавал границы своих возможностей и неразрешимых проблем перед собой не ставил. «Ни до этого, ни позже не видел я поля битвы, дарившего так много идей для изображения, как это было при Бородино... Представив частичную панораму, я набросал очень точный рисунок местности и построения русских. Мой острый глаз, замечавший каждое движение неприятеля, не подвел меня и на этот раз. Так я создал рисунок большого исторического

¹ Адам был родоначальником пяти поколений художников. Два художника этой династии работали и в XX веке.

значения». И наряду с этим постоянный рефрен: «Это изобразить мне не дано». В пылающей Москве он записывает: «Никакое перо, никакая кисть не способны передать мощь бушующей стихии». И становится понятным, почему альбом заканчивается 14 сентября, то есть накануне вступления в Москву.

Для альбома Адам использовал далеко не все русские рисунки. К тому же, и это легко понять, ему казалось несправедливым, что столь важное и, как он не без основания считал, удавшееся и значительное произведение остается недоступным широкому зрителю. В 1827 году он «начал с позволения герцогини Лейхтенбергской... серию из 100 литографий... По окончании этой работы, продолжавшейся пять лет, она вызвала большой интерес и получила широкое распространение»². Серия не только количественно отличалась от альбома, но и многие сюжеты, явно личного для Богарне плана, заменены жанровыми или батальными сценами. Литографии поступали в продажу отдельными выпусками³ по четыре листа в каждом, без соблюдения хронологической последовательности событий. Отпечатанные полностью в 1833 году, литографии складывались по порядку и переплетались в один или два тома⁴, которые, наконец, доставили Адаму желанную и заслуженную европейскую известность. Для иллюстрированных изданий об истории наполеоновских войн часто использовали эти же литографии, но расцветенные от руки⁵.

Еще при жизни Адама в Россию попало довольно много его работ. В своих воспоминаниях он упоминает шесть больших картин, заказанных Николаем I⁶. Вероятно, четыре из них находились в императорском кабинете Большого Кремлевского дворца — «Выход французов из Москвы», «Отступление французских войск из России», «Переход французов через Березину», «Бивак французов под Смоленском»⁷. В 1837 году через русского посланника в Мюнхене барона

² Adam A. Aus dem Leben... S. 302.

³ Первый выпуск в июне 1827 года. Kunstblatt, 1827. Nr. 49. S. 195—196.

⁴ Как правило, в них 95 сцен. По каким-то причинам различные комплекты отличаются отдельными листами. Например, том в частном собрании в Москве («Живописная картина военного похода от Вилленберга в Пруссии до Москвы, совершенного в 1812 году, исполненная прямо на месте и литографированная Альбрехтом Адамом». М., 2014.) и том в Государственном Эрмитаже.

⁵ Napoleon`s Army in Russia: The Illustrated Memoirs of Albrecht Adam. Barnsley, South Yorkshire. 2005

⁶ Adam A. Aus dem Leben... S. 305.

⁷ Ageev П. Краткий указатель достопримечательностей Большого Кремлевского дворца в Москве. М., 1872.

Крюденера Николай I приобрел две картины Адама, заплатив за них 2200 рейнских флоринов¹. О подобных покупках сообщал также немецкий журнал в 1838 году. В 1843 году в Александровский дворец Царского Села доставили «Переправу французов через Днепр», само название которой предполагает развернутую в пространстве многофигурную композицию². В личном собрании Александра II было пять солдатских сцен Адама.

В Петербурге была и одна из самых значительных батальных серий Адама — тринадцать полотен, «увековечивающих победы Евгения Богарне». Она была заказана в 1841 году сыном Богарне, герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, и до его смерти в 1852 году находилась, как и «Русский альбом», во дворце Лейхтенбергских в Мюнхене. В 1853 году вдова Максимилиана, великая княгиня Мария Николаевна перевезла в свой Мариинский дворец вместе с прекрасной галереей Лейхтенбергских, созданной Евгением Богарне, серию Адама и его альбом. Так он оказался в Петербурге. В 1884 году Мариинский дворец был выкуплен казной и перестроен для Государственного совета. Галерею на рубеже XIX–XX веков разделили между собой наследники Лейхтенбергских и частично распродали³, но ряд картин остался в России. Из работ Адама две попали в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Каким образом и откуда «Русский альбом» поступил в 1921 году в отделение рисунков Эрмитажа, неизвестно.

В 1862 году в некрологе Адама, опубликованном журналом «Иллюстрация», его имя было еще окружено романтической легендой: «Картины похода 1812 года со всеми ужасами отступления из России наполеоновских полчищ, врезанные глубоко в память живописца-очевидца, воспроизводились кистью его лучше всего прочего»⁴. В 1864 году русские читатели познакомились с воспроизведением и подробным описанием картины Адама «Конюшня» как одного из выдающихся произведений современной живописи в музеях Мюнхена⁵. Но уже в конце XIX века в «Истории искусств» П. П. Гнедича творчество Адама получило

характеристику, вполне приемлемую, на первый взгляд, и сегодня: «Его картины — беспристрастные, точные и спокойные документы, в которых разнообразно и неутомимо он описывает жизнь войска во время войны... страдают недостатками, общими тому времени — сухостью красок и отсутствием настроения»⁶.

Все это справедливо, но с некоторыми оговорками. Так ли много беспристрастных, точных и спокойных документов сохранило для нас искусство живописи? И не является ли особенной заслугой художника способность освободиться от пристрастий и настроений современников, показать нам их не такими, какими они хотели быть, не то, что они думали и знали о себе, а такими, какими они были? Напрасно судить о произведении искусства, не учитывая специфику жанра. Как вырванные из контекста строки или кадры кинофильма скупо поведают о первоисточнике, так и отдельные листы этого альбома не дадут о нем истинного представления. Его нужно смотреть последовательно и внимательно, от начала до конца. Многие детали, портреты и сюжеты, некогда очевидные и всем двести лет назад понятные, сегодня окажутся «непрочитанными», поскольку наше знание прошлого неизбежно относительно. Но главное альбом сохранил — узнаваемость, как от подлинного документа, и ощущение, как от произведения искусства, «Вечно памятного 1812 года».

«Русский альбом» А. Адама поступил в Государственный Эрмитаж в сандаловом ларце, сделанном в 1844 году мюнхенским краснодеревцем Францем Фортнером, богато украшенном металлическими и перламутровыми накладками, инкрустациями, гравировкой и росписями.

В нем находились 83 изображения маслом на бумаге (82 одинакового размера — 21×30 см и одно — № 65 — 27×29 см), наклеенные на картонные рамки с названием на французском языке.

В историческом комментарии к изображениям использованы воспоминания офицера итальянской королевской гвардии Цезаря Ложье (*Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912) и генерала П. П. Коновницына (*Харкевич В.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. I. Вильна, 1900).

Полностью «Русский альбом» публикуется впервые.

Б. И. АСВАРИЩ

6 Гнедич П. П. История искусств. В 3 т. СПб., 1897. Т. 3. С. 405.

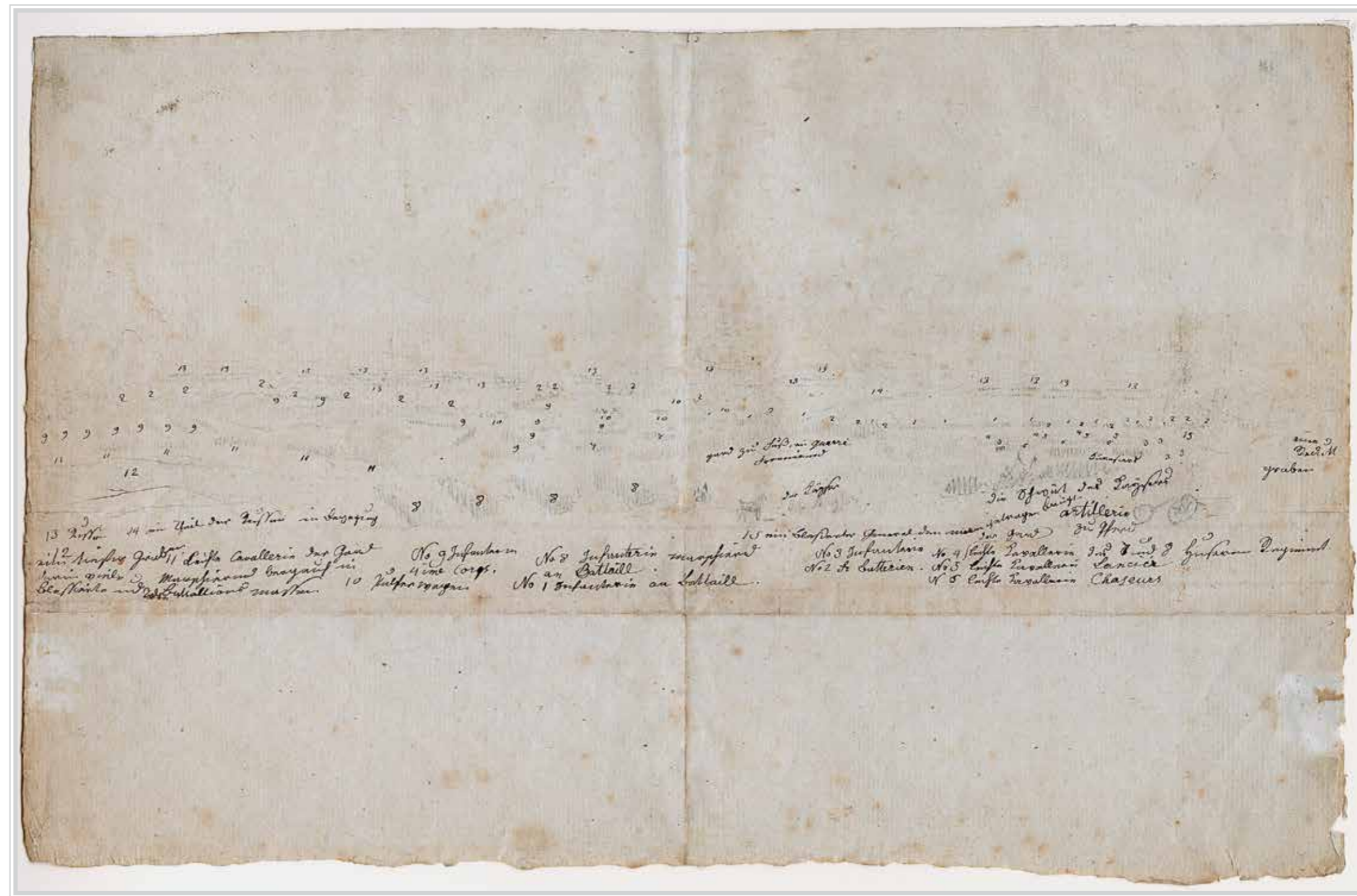
1 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 472. Оп. 17.1843. Д. 154. Л. 2.

2 Там же.

3 О заказе и судьбе картин см.: Pappi R. Eugène und Adam: Der Prinz uns sinen Maler. Der Leuchtenberg-Zyklus und die Napoleonischen Feldzüge 1809 und 1812. Berlin, 2012. S. 11.

4 Иллюстрация. 27 февраля 1862. С. 211.

5 Андреев А. Картинные галереи Европы. СПб., 1864. Т. 3. С. 105–107.

А. Адам. Расположение войск перед началом Бородинского сражения. 7 сентября 1812

Бумага, карандаш. 143×343. Мюнхен, Музей города

Слева направо пером: 13 — русские; 14 — часть русских в движении; 12 — глубокий ров, в нем много раненых и мертвых; 11 — легкая гвардейская кавалерия/марширующие вверх по склону батальоны; 9 — пехота 4-го корпуса; 10 — телега с порохом; 8 — пехота, идущая в сражение; 1 — пехота в сра-

жении/пешая гвардия, строящаяся в каре/император; 15 — раненый генерал, которого приносят кирасиры/свита императора/артиллерия на конной тяге; 3 — пехота; 2 — французские батареи; 4 — легкая гвардейская кавалерия 7 и 8 гусарских полков; 5 — легкая кавалерия/уланы; 6 — легкая кавалерия/егеря/редут/окоп

А. Адам. *Бородинское сражение*. 1823–1835
Холст, масло. 202×320. Мюнхен, Резиденция

Альбрехт Адам Из жизни художника-баталиста

Поход в Россию

Уже с началом весны дороги Германии заполнили огромные скопления войск. Лучшей армии столетия не терпелось отправиться навстречу гибели. Объединившиеся в плотные людские массы французы, итальянцы, немцы, поляки, голландцы, испанцы, возглавляемые выдающимися личностями, с благоговением взирали на человека, которому бесконечно доверяли. Непобедимых, отважных и влекомых честолюбием, их окрыляло сознание счастливой фортуны; никто не брал в расчет главного врага — стихию.

Наше расставание с супругой выглядело героическим: никаких слез, важным было показать силу воли. Такие стояли времена. Прежде чем сесть на коня, я еще раз протянул жене руку со словами: «Вернусь, если выживу, через восемь месяцев!». И наконец, пришпорив скакуна, умчался.

<...>

10 июня в 11 часов утра мы прибыли в Вилленберг в Восточной Пруссии, где попали в штаб 4-го армейского корпуса, которым командовал Евгений, и встретили баварцев его корпуса.

Мне были рады, полковник Батай сказал: «Всего несколько часов назад принц приказал отправить командирам всех постов письма с его настоятельной рекомендацией ускорить вашу поездку». То, что я опередил эту рассылку, несомненно, всех порадовало. <...> Принц Евгений был необычайно ласков. Он вручил мне прекрасный портфель сафьяновой кожи с его именем в золоте, специально привезенный им из Парижа, дабы послужить мне для живописного дневника этого похода. <...>

11 июня мы пришли в Ортельсбург, 12-го в Брёдинен, 13-го в Зенсбург, а 14-го в Растенбург, маленький город, раскинувшийся у небольшого озера за холмами. Мы простояли здесь до 18 июня. Затем за десять дневных переходов пересекли часть Восточной Пруссии и Польши, двигаясь через Лётцен, Поломен, Олецко, Сидоры, Кальварию, Мариямполье, Михальски к Пилони

на Немане. Эти непривлекательные, часто совершенно бесплодные земли ближе к реке становились еще более унылыми. В Пилони мы остановились на границе с Россией. Немедленно под прикрытием одной из батарей, выставленных на самом высоком берегу, началось сооружение наплавного моста. Во время этой работы на русскую сторону на понтонах переправился гренадерский полк итальянской гвардии.

В Пилони, убогом местечке с деревянными домами, крытыми соломой, мы в самых незавидных условиях провели 29 и 30 июня. Два дня непрерывно шел дождь, высушиться не было возможности ни у людей, ни у животных, потому что не имелось никакого укрытия, ни одного сухого логова. Лошади переносили это хуже, чем люди: сырая трава вызывала колики, от которых они через несколько часов умирали мучительной смертью; за одну ночь пали тысячи.

Воистину неловко было смотреть на войска, беспрерывно маршировавшие в те дни в Пилони. Медленно тащились колонны пехоты по раскисшим от дождя, почти непроходимым дорогам, останавливались чуть ли не каждые четверть часа. Уже тогда полуголодные солдаты чувствовали себя раздавленными усталостью и тяжестью своей поклажи. Платья, оружие — от сырости все стало весить в два раза больше. Я наблюдал, как во время передышек они со страшными проклятиями и ругательствами снимали свои ружья и втыкали прикладами в слякоть, обдававшую их с головой. В итоге, конечно, приходилось поднимать испачканное оружие, но на это уже не обращали внимания, ведь и без того все было в грязи. Когда после обратного марша эти несчастные возвращались в свой лагерь, местом их отдыха становилась сырая земля, а пологом — истекающие дождем небеса.

В таком положении оказалась французская армия на берегах Немана, и уже можно было предположить, что ждет ее на русской земле по другую сторону реки.

1 июля мы ступили на русскую территорию; за один десятичасовой марш я насчитал пятьсот лошадей, падших из-за погодных условий. Каковы же были

масштабы происходящего вне нашего поля зрения? Около полудня прибыли в Кроны, первый город в русской Польше. На разных берегах Немана состояние земледелия поразительно отличалось: русские нивы неожиданно оказались тучными, любая растительность выглядела сочнее и плодovitее. Из Крон за три дневных перехода мы добрались до Троки, симпатичного (благодаря местному строительному методу) города с большой каменной церковью, тогда как большинство домов были деревянными. Здесь мы оставались четыре дня; я квартировал в здании школы, и спать приходилось ложиться на стол из опасения быть съеденным вредными насекомыми, уже вечером стены покрывались всеми мыслимыми паразитами, отчего казались живыми. <...>

Из Троки армейский корпус должен был отправиться в направлении Жемыславля. За день до этого вперед выслали одного офицера для разведки местности. Вероятно, он не ушел достаточно далеко, обманутый лжеразведчиками, и вернулся с донесением, что дорога пригодна. 8 июля все пришло в движение, но примерно через четыре часа путь начал становиться все хуже и опаснее, сменился гатями через обширные болота. Кончилось это тем, что кавалерия, и уж тем более артиллерия и гужевой транспорт, дальше продвигаться не могли. Лошади проваливались по колена в глубокие ямы, орудия и фургоны тонули; пришлось повернуть назад. Немыслимо описать, какой ужасный беспорядок и потерю времени вызвало это на узкой гати; нельзя было вернуться иначе, чем сделать последних первыми, а первых последними.

Я сам чуть не лишился своего лучшего коня на болотистом лугу около главного пути. Сначала он шел очень хорошо, однако мало-помалу начал проваливаться все глубже, пока не ушел в болото наполовину туловища; тогда я соскочил с седла и выбрался на тропу. Коня я считал потерянным; он же, избавившись от тяжести всадника, сам с трудом добрался до дороги, где и был вызволен несколькими людьми. Понятно, что я и мой конь, полностью покрытые тиной и черным торфом, выглядели тогда далеко не элегантно.

Словом, эти усилия оказались напрасными; весь путь пришлось проделывать в обратную сторону и выступить другой дорогой, причем без промедления. Маршировали всю ночь напролет, лишь в полночь лошадей кавалерии на час отправили пастись на большом овсяном поле. Трагикомическим оказался проход кавалерии через протяженный дремучий лес: многие всадники, заснувшие от усталости, задевали макушками за деревья: у одного головной убор съезжал, у другого повисал на подбородном ремне, третий всадник валился сам. Особенно плохо было итальянскому почетному караулу с их очень большими шлемами. Изнуренные лошади часто спотыкались и падали, словом, силы войск были исчерпаны.

Эти переходы принесли новые конные потери. Сотни бедных животных находились в удручающем состоянии с заткнутыми ветошью ранами на холке или спине, из которых постоянно тек гной. Отощавшие до костей, они являли собой картину нужды и бедствий. Так армия выглядела уже в середине июля!

11 июля я писал жене из Ольшан в русской Польше: «Я начинаю терять мужество, целых два месяца в походе: и для чего? и в каких землях? Мне больно, что время, подаренное Господом, приходится так бессмысленно растрчивать. Война! это слово ужасно! она не обращает внимания ни на благополучие, ни на гибель целых наций, и горе тем, кто знакомится с этой фурией, но еще имеет сердце, скорбящее за людей. Бедствия, увиденные мною за четырнадцать дней, неописуемы: большинство домов стоят пустыми и без крыш. В областях, пройденных нами, кровли в основном соломенные, и это старое сено скормили лошадям. Жилища разрушены или разграблены, местные разбежались или настолько бедны, что едва могут спастись от голодной смерти; большего солдаты им не оставляют. Все дороги покрыты конскими трупами; из-за случившейся сейчас жары они распространяют далеко вокруг страшный запах, и случаи гибели лошадей увеличиваются. Это отвратительная война. В сравнении с ней кампания 1809 года кажется просто прогулкой; если так будет продолжаться, хорошо это не закончится. Несмотря на невзгоды и утомительные скитания, я все же набросал некоторые свои впечатления, но эти рисунки обошлись слишком дорого. Лучшей компенсацией мне как художнику за мои жертвы станет только благоприятный итог войны. Это бродяжничанье по злополучным землям и проматывание драгоценного времени просто невыносимо, и я не скрываю, что буду рад первому же сражению. Мне больше хочется слышать свист снарядов, нежели терпеть это безрадостное существование. Солдаты жаждут боя, он будет жарким, даже если победу одержит противник! Если же русские вынудят нас продолжить занятные прогулки по своей обширной территории, то к моменту исхода кампании или славного вступления в столицу — это ведь наша цель — армия окажется слабой и истощенной. Сейчас мы удобно квартируем в большом дворянском поместье богатого землевладельца; крестьяне ругают его, он известен всей округе как мерзкий тиран. Ему были даны караульные и несколько лучших лошадей».

Одиннадцать дней мы блуждали по местности, пройдя через Сморгонь, Залесье, Вилейку, Докшицы и Камень в Бешенковичи, где, наконец, столкнулись с врагом. В достойном городке Сморгони принц задержался на два дня, поселившись в чудесной усадьбе. Отсюда земли пошли благоденнее и плодороднее, была заметна большая состоятельность жителей и действительно недурные сельские дома, выстроенные, впрочем, по-прежнему исключительно из дерева

и одноэтажные. Их украшали стоящие на нескольких ступеньках маленькие колонны, подпиравшие фронтоны.

18 июля мы остались в Докшицах. Здесь по недосмотру разразился пожар, и протяженное, сплошь деревянное поселение выгорело за несколько часов полностью, за исключением единственного дома. Чудовищное огненное море с треском пожирало все, презирая любые попытки ему противодействовать. За долгое время мы, наконец, обрели хороший теплый кров, но наши хижины вспыхнули, как простая солома.

21-е и 22-е мы провели в Камене; рано утром 23-го принц со свитой отбыл на несколько часов для разведки берегов Дюны¹ и оценить расположение противника. Я остался закончить рисунок. Вскоре галопом прискакал мамлюк принца, лицо его было искажено; он примчался за лейб-медиком Ассалини: ранили одного из адъютантов — полковника Лакруа. Мушкетная пуля, выпущенная с противоположного берега Дюны, раздробила ему бедренную кость; больше мы его не видели, он умер от последствий этого ранения.

Часто за время войны я замечал, что тот или иной человек предчувствует близкую смерть или особенную неудачу. Примером может служить Лакруа. Он был солдатом до кончиков ногтей. Начав службу в кавалерии с самых низов, он всегда проявлял себя смельчаком и продвигался по карьерной лестнице только благодаря личным заслугам. Во время наших маршей по России полковник часто говорил, что на этой войне он скоро погибнет. За несколько дней до ранения он сказал мне: «Что ж, Адам, скоро начнется, и если вы захотите нарисовать первого, кто протянет ноги на поле боя, это буду я!» В ночь с 22-го на 23-е я спал на сене среди большинства адъютантов в большой комнате; поднявшись до рассвета, когда все еще спали, я сел перед окном и начал рисовать. Позже со своего ложа поднялся Лакруа, вдруг из соломы, на которой он лежал, выползла змея. Он спокойно посмотрел на нее и сухо промолвил: «Это должно что-то значить!». В это же утро он получил смертельное ранение. Неудивительно, если бы он пал в разгар сражения, однако кто мог подумать, что его военную карьеру оборвет жалкая мушкетная пуля, перелетевшая через Дюну. Выстрел был сделан из дома по другую сторону реки, где находились русские стрелки, и, кажется, стрелявший искал именно эту жертву.

24 июля мы вошли в Бешенковичи. Сюда же прибыл Наполеон с большей частью армии. Невозможно описать этот колоссальный и довольно беспорядочный людской клубок. Все, кто месяцы напролет плелся в утомительных маршах

¹ Немецкое название Западной Двины.

по негостеприимной местности, собрались на одном пятачке земли, так что один корпус почти дышал в спину другому, и, насколько хватало глаз, не было видно ничего, кроме солдат и штыков, поблескивавших в облаках пыли. Все рода войск, пехота, кавалерия, артиллерия, обозы и гужевой транспорт, бесчисленное множество скачущих туда-сюда адъютантов, подручные лошади, кареты и слуги, все двигалось и перемешивалось, словно в вихре. Я никогда не видел вокруг Наполеона толчею такого масштаба, и у меня от этого зрелища трещала голова.

У Дюны глубокое русло. С обеих сторон поднимаются высокие, почти отвесные берега; на левом из них находятся Бешенковичи. Я долго стоял на холме и наблюдал грандиозное движение вокруг императора, который в окружении маршалов находился внизу на берегу реки. Здесь со мной случилось курьезное происшествие. Я заметил необычного персонажа в голубом, чрезмерно изукрашенном золотом мундире, в красных с золотыми галунами брюках, и странной, полностью покрытой перьями шляпе на голове, словом, человека, о котором я ничего не знал. Самым поразительным было то, что он постоянно крутился около Наполеона, передвигавшегося, как и его окружение, пешком. Наконец, я поинтересовался у стоявшего рядом офицера: «Разрешите загадку, почему император так возится с этим тамбурмажором?». Офицер удивленно посмотрел на меня и спросил: «Что вы имеете в виду?». Я пояснил. «Боже мой, — воскликнул он, — это же Мюрат, король Неаполитанский». Так я впервые увидел этого безумца; а вскоре лицезрел его почерневшим от порохового дыма во всей его неукротимости, с отменными проклятиями натравливающим солдат на неприятеля.

Армия на Дюне пребывала в возбужденном состоянии. Наконец перед ней так страстно ожидавшийся противник, наконец появилась надежда, что решающее сражение избавит от бедствий, раздражавших больше, чем самая ожесточенная борьба. Ведь уже началось самоуправство, неизбежное при огромном скоплении войск на столь маленьком пространстве. Этому способствовала нехватка еды и прочие безобразия.

События 24 июля показали, что дело идет к долгожданному сражению. Одно пехотное подразделение на понтонах переправилось на правый берег Дюны, начали наводить мост и одновременно реку преодолели баварские полки шеволежеров (3, 4, 5 и 6-й).

Переправа была утомительной: Дюна отличается сильным течением и глубиной, поэтому всем пришлось плыть. Лошади, освобожденные не только от всадников, но и от снаряжения, высовывали из воды лишь головы. Несмотря на трудности, этот переход был проведен с большой точностью; правда, один человек погиб. На обширной лесистой равнине противоположного берега войско тут же

продемонстрировало всем образцовые маневры. Император с окружением перешел по законченному к тому времени мосту и присоединился к разведке местности. Промокшие всадники разъехались во всех направлениях, двигаясь слаженно и с такой же скоростью, как на параде. Это вызвало восхищение даже у французов, которые неохотно признавали заслуги немцев; было приятно наблюдать четкие действия баварцев и, в частности, шеволежеров, с которыми я был дружен.

На войне впервые оцениваешь коня по достоинству, когда видишь, на что он способен в самых тяжелых обстоятельствах. Понятно, что ноша становится неудобнее и тяжелее, если с всадника, седельной сбруи и поклажи ручьями течет вода, поэтому удивительно, на что способны животные, изможденные долгими нагрузками и плохим питанием. Примечательно, что наши баварские лошади показали себя в эту войну крайне выносливыми, особенно те, которые происходили из Нижней Баварии и предгорий.

Утром 25-го мы выдвинулись в направлении Островно. На время промежуточной остановки принц Евгений определил в качестве своей квартиры поместье на Дюне. Я отправился туда раньше с экипажами и отрядом итальянских гвардейских драгун, так как стремился скорее вырваться из суматохи Бешенковичей. Добравшись до места, мы увидели на противоположном, более низком, чем наш, берегу русские сторожевые посты и перемещавшиеся туда-сюда казацкие патрули. Прямо у реки стоял дом с маленьким садом, где прогуливался наблюдавший за нами офицер. Со стороны драгун последовали вызывающие кривляния, а одного посетителя роковая идея повернуться к противнику не самой лицеприятной своей стороной. Казачий офицер взмахнул саблей, и выстрелы не заставили себя ждать. Я находился несколько поодаль и, встав на колени за березой, собирался зарисовать местность. Но едва я открыл альбом, как перед самым моим носом просвистела пуля, содравшая древесную кору, куски которой полетели мне в лицо. Стрельба усиливалась, пришлось вернуться в поместье. Как только я зашел проведать своего коня, крышу конюшни пробило пушечное ядро. Среди экипажей принца были три или четыре кареты, запряженные шестеркой лошадей; было занятно наблюдать, с какой скоростью заложили эти экипажи и галопом погнались упряжку через поле в соседний лес. Я остался дожидаться принца; вскоре он прошел мимо со свитой, к которой я присоединился. Тут в одно мгновение под итальянскими егерями из сопровождения принца были ранены три коня. Огонь из малокалиберного оружия продолжался, но пушечных выстрелов было всего три.

Мы быстро двигались по просторной дороге, с обеих сторон которой росли статные красивые березы, вдруг слева, на этом берегу Дюны заметили группу казаков. Принц Евгений приказал отряду итальянских егерей разобраться с ними.

Больно было видеть, как всадники, словно пчелиный рой, пронеслись по бескрайней ниве, расстилавшейся по пологому холму, растоптав крестьянские надежды.

Во время этой интермедии со стороны Островно послышалась вдруг отчетливая канонада. Как можно быстрее мы помчались туда и оказались в лесу, через который проходила дорога на Островно и где завязалась ожесточенная битва. Она была скорее случайной, чем запланированной: войска столкнулись внезапно и осознали ситуацию, когда уже различали лица противников. Давно охваченные боевым задором французы с таким ожесточением набросились на врага, что сбивали с ног всякого, кто оказывался на пути. Особенно активно повел себя 8-й гусарский полк — один из самых геройских, он и нанес первый удар. Гусары выслали передовой разъезд и беспечно двигались следом. Вероятно, по пути они замечали в лесу войска, но принимали их за своих. Пока неожиданно не наткнулись на неприятеля. В ярости они кинулись в бой; противник установил на дороге несколько устрашающих орудий, но их быстро захватили французы — русские в панике стремительно бежали. Подходили все новые и новые подразделения, сражение стало серьезным и затянулось до вечера. Удары наносились по многочисленным русским колоннам, которые расположились лагерем и мужественно защищали свои позиции. Все-таки их оттеснили за Островно, и они потеряли убитыми, ранеными и плененными много людей, а также немало военной техники, в том числе несколько орудий.

Во время своего бегства в начале боя противник побросал все: ружья, ранцы, патронташи, головные уборы и т. п. Эти вещи встречались на всем пути его отступления. Правда, случай это единственный — было бы несправедливо отказывать русским в отваге. В сражении они показывали себя смелыми и каждую пядь земли отдавали дорогой кровавой ценой. Также за всю эту войну количество являлось редкостью. Грохот орудий прекратился с наступлением вечера; везде обнаруживались следы кровавого противостояния. Особенно большие потери понес 8-й гусарский полк. Оторванные части тел были разбросаны по дороге. Я видел гусара, рядом с которым лежала его правая рука, вырванная из плеча. У другого верхняя часть черепа была снесена так ровно, словно ее спиливали нарочно, а лицо оказалось совершенно обезображено; гусар стал жертвой не картечи, которую обычно применяют против кавалерии, а ядра, и эффект оказался столь страшен, так как всадники подошли к орудиям довольно близко.

7-й и 8-й гусарские полки, состоявшие большей частью из эльзасцев, привлекали внимание отменной выправкой; они носили волосы, как во времена

Республики, расчесывая их на пробор и заплетая в косы, свисавшие по сторонам лица и придававшие им особый колорит. Их мундиры были темно-зелеными, брюки красными. В этот день они доказали свою особую решимость и бесстрашие, а на следующий день снова вступили в бой.

Вид поля боя уже не был нов для меня, и, тем не менее, обратный путь к месту ночлега поверг в мрачное настроение, давая богатую пищу для размышлений.

Широкая дорога с березами по сторонам тянулась до самого Витебска через угрюмые, прорезанные оврагами еловые леса, иногда прерывавшиеся открытыми пространствами, которые использовались войсками для построения. Сражение с нарастающим озлоблением продолжалось на этой сложной местности два дня. Сегодняшний день, хоть и очень кровавый, стал лишь прелюдией к горячей схватке, продолжавшейся со следующего утра до самой ночи. С особым упорством русские обороняли дорогу. Продвигаясь по ней, я всюду видел свидетельства боев. Не в моем характере отворачиваться от ужасов войны — я не нахожу в этом удовольствия, но стремлюсь видеть все, что могу. В полном одиночестве и раздумьях я медленно проезжал мимо тел павших и тяжело раненных. Небо, остававшееся весь день ясным, к вечеру начало затягиваться свинцовыми тучами; теплый ветер играл дрожащей листвой берез, искромсанных пулями, а иногда вихрем закручивал и поднимал в небо пылевые облака. Зловещая тишина, нарушавшаяся лишь стонами умирающих и изувеченных, наделила высоким трагизмом все, что я видел вокруг. «Покойтесь с миром, павшие! Вам повезло больше, чем несчастным раненым! — думал я. — Что за страшная судьба ждет их на этой земле, где всем не хватает даже элементарного попечения!» Эта мысль чрезвычайно огорчала меня.

Уже ночью я прибыл в штаб-квартиру принца. Он со свитой давно обогнал меня, я же, пока не стемнело, останавливался в разных местах для зарисовок. Так закончился день первого сражения, свидетелем которого я стал на русской земле. С предраусветными сумерками 26-го войска пришли в движение, а к шести часам началась битва. Принц Евгений со своим армейским корпусом занял позицию на левом фланге на опушке леса. Слева в низине показались казацкие отряды, но мгновенно были отогнаны стрелками 8-го гусарского полка. Вскоре справа от нас и на большой дороге завязалась ожесточенная битва. Здесь я впервые оказался в центре сражения, подвергаясь жестокому обстрелу. Преимуществом русских было точное знание местности, тогда как нам этого не доставало. Мы часто замечали врага лишь тогда, когда он оказывался прямо перед нами; за всю войну русские никогда не экономили боеприпасы, стреляя во все стороны, где, по их мнению, находился неприятель. По кривой над деревьями

и сквозь лес летели пули, неся с собой сучья и древесные обломки. Не было места, которое бы не простреливалось, кругом сыпался убийственный град.

Сражение разгоралось все сильнее. В какой-то момент настоящая неразбериха началась на небольшом участке, где русские с примерным упорством отстаивали свои позиции, а французы дрались, как львы. Борьба там бушевала несколько часов без перевеса в ту или другую сторону. Кавалерия, активно использовавшаяся Мюратом, из-за сложности местности оказалась в особенно тяжелом положении. Смелчаки 7-го и 8-го гусарского полка вынуждены были неоднократно уступать стремительным натискам русских, а польский уланский полк обратился в бегство, вызвав беспорядок в наших рядах.

Крайне ожесточенной была битва на том участке дороги, где находился Евгений. Пехота наступала бегом, в бой при поддержке кавалерии включались все новые и новые колонны. Тут я вблизи увидел Мюрата во всей его дикости, распаленного яростной борьбой и сопротивлением. Он, сквернословя, метался взад-вперед, увлекая солдат в атаку; находясь то тут, то там, он, казалось, летал — его породистый конь весь был в пене. Разительный контраст поведению Мюрата являло благородство принца Евгения. И сейчас, и позднее, под обстрелом, он демонстрировал спокойствие и осмотрительность. Он не терял хладнокровия и достоинства, его негодование вызывали лишь несправедливость или оскорбление солдатской чести; именно благодаря этим качествам принца все, кто находился под его командованием, испытывали к нему любовь, доверие и чувство преданности. Лучшее всего характер принца Евгения проявился в период особых лишений, когда на обратном пути армию покинули и Наполеон, и Мюрат, и лишь он один мог удерживать вместе остатки павшего духом войска. Наполеон тогда сказал о нем: «Евгений был единственным, кто не потерял голову». Он, пожалуй, мог бы добавить: «А также любовь солдат!».

Сражение в этих зловещих местах с переменным успехом продолжалось очень долго, пока, наконец, вытесненным из лесов русским пришлось уступить, так что часть большой дороги освободилась для продвижения вперед. Об окончании боев при этом не могло быть и речи: местность до Витебска была образована возвышенностями, долинами, оврагами и лесами, которые давали противнику возможность занять выгодные позиции и скрыться от наших глаз. Всякий раз большой ценой приходилось сгонять русских с их позиций; ожесточенная борьба шла за каждый наш шаг вперед. Одна из таких битв продолжалась около четырнадцати часов; в это время Евгений и Мюрат находились на холме, с которого открывался панорамный вид на расположение неприятеля. Сражение уже прекратилось, день клонился к концу, когда вдруг вдалеке раздался громкий, приближающийся гул.

Это появился Наполеон, и солдаты кричали: «Vive l'empereur!»¹. Принц и Мюрат поскакали ему навстречу и вернулись с ним на возвышенность. Наполеон осмотрел позиции противника и распорядился о новой атаке. Он послал за генералом д'Антуаром, командующим артиллерией 4-го армейского корпуса, и приказал поддержать наступление всеми доступными в настоящий момент артиллерийскими средствами. Этот приказ был приведен в исполнение с невероятной быстротой. С того же самого холма было хорошо видно, как тридцать или сорок орудий со всеми зарядными ящиками и в сопровождении конных артиллеристов поползли из низины на один из холмов. До наступления ночи громыхала страшная канонада, возмевшая нужное действие. Русские отступили и вернулись в лес. Спали на поле сражения, принц Евгений и Мюрат — в кубоке домишке, Наполеон — в своей палатке.

Мое выношенное годами желание наблюдать сражение вблизи и оказаться в его центре наконец осуществилось; за эти два дня я увидел столько, что материала для батальных картин хватило бы на всю жизнь. Кроме того, я порядочно наслушался свиста пуль, что, однако, не помешало моему главному занятию. У меня были работы, сделанные во время боя и собственноручно подписанные принцем Евгением. При его дворе я был единственным немцем, и хотя дружески общался с офицерами и адъютантами, они не упускали возможность поддразнить меня: «Сейчас Адам рядом, но когда полетят пули, его придется искать». «Ну, подождите, — думал я, — увидите, что немецкая душа отличается не меньшим достоинством, чем французская». Когда в упомянутое выше утро рядом с нами упало пушечное ядро, один адъютант, поблднев, вымолвил: «Eh bien, Mr. Adam, comment trouvez-vous ça!»². Я ответил сухо: «Нахожу, что мы участвуем в сражении». Несколько часов спустя, в очень опасной ситуации, другой адъютант, имея наилучшие намерения, сказал, что я мог бы вернуться в лагерь и что здесь для меня не место. Я ответил, что цену свою жизнь не больше, чем жизнь принца, а чтобы изобразить сражение, его следует видеть; поэтому я буду следовать за своим повелителем всюду, если только он сам не прикажет мне остаться. После этого в моей храбрости больше не сомневались, однако со стороны придворных это были еще не все неприятности. То, что я денно и ночью был рядом с принцем, вызывало их ревность. Кроме того, кое-кому я казался совершенно лишним. Поэтому у меня появилось твердое намерение дожидаться исхода войны — в Москве ли, Петербурге, либо в другом месте — и независимо от обстоятельств отправиться домой.

¹ Да здравствует император! (фр.).

² Ну, господин Адам, что вы скажете на это! (фр.).

Вечером я опять попал в двусмысленное положение. Несколько замешкавшись с рисованием, я потерял принца из виду. В поисках его я поднялся верхом на один из холмов, за которым оказалась русская батарея, немедленно открывшая огонь: пули полетели у меня над головой. Я хотел вернуться, но мой конь уперся, не желая менять направления движения. Пришлось бороться со строптивым животным. Наконец ко мне подъехал генерал Триэр и, смеясь, сказал: «Вы как будто упражняетесь здесь в верховой езде! Прекрасное место выбрали! Где вы оставили принца?» Я ответил, что потерял его и сейчас как раз ищу. «Следуйте за мной, здесь нельзя оставаться». Мой конь, теперь получивший товарища, послушно пошел следом, и вскоре мы нашли принца под обстрелом. Помимо многих интересных моментов сражения, схваченных мною в тот день быстрыми штрихами, под конец в более спокойной обстановке я смог также изобразить Наполеона, Мюрата и принца Евгения: император давал последние распоряжения о завершении битвы, а затем устроил смотр своим солдатам.

С момента перехода Немана императора и его армию занимала одна и та же мысль, одна и та же надежда, одно и то же желание: все мечтали о крупном сражении! Боя жаждали, как и при Аустерлице, Йене и Маренго, на него надеялись как на избавление от того бедственного положения, в котором армия находилась вот уже два месяца и которое значительно потрепало ее ряды. О сражении говорили как о некоем большом празднике и сникали, когда ожидания не оправдывались. Так было и около Витебска.

Это была не такая война, как в Италии и Германии, где на природой облакканной земле, среди цивилизованных людей, снабжавших армию довольствием и облегчавших ход боевых действий, можно было быстро подойти к столице и благодаря гению военачальника победить неприятеля в одном большом сражении.

В этой необъятной империи, при огромной удаленности военных действий от столичных городов и недостатке любых ресурсов для довольствия такой огромной армии, скорейшее разрешение войны в дерзком сражении было трудновполнимо. Битва состоялась бы, если бы того захотели сами русские, а они мастерски ей препятствовали. 27 июля мы уже стояли под Витебском, но только 7 сентября разразился столь желанный бой. То есть прежде чем уставшее, вконец измотанное и сократившееся наполовину войско Наполеона оказалось на поле сражения при Бородино, русские целых шесть недель водили его по стране. Что за унижение для гордой армии!

Солдаты хотели одного. В долгих изнуряющих переходах и боях, при неблагоприятных погодных условиях помимо пищи не хватало еще массы вещей, на которые не обращаешь внимания в обычной жизни, потому

что их можно легко купить за небольшие деньги. Однако здесь эти вещи оказались бесценны; игла, нить, ножницы, нож, огниво, пуговицы для мундиров и брюк и прочие незначительные предметы приобрели огромную ценность, и это если не вспоминать о рваной обуви, платье и белье. В отличие от нашей Германии, где почти через каждый час пути попадаете приличный населенный пункт, в России встречались лишь немногие разрозненные поселения, да и те покинутые или разрушенные. Город был очень редким явлением, и день ото дня мы лелеяли надежду прибыть в таковой, чтобы хоть как-то удовлетворить свои немалые потребности. Если же вдали показывались башни большого города, следовал приказ проходить мимо, так как император определял этот город для нужд своей гвардии. Это было у Вильно, у Витебска. Все это вызывало недовольство и офицеров, и солдат.

После активных боев и упорного сопротивления русских при Островно 25 и 26 июля мы уверенно рассчитывали на решающее сражение. Поэтому с рассветом 27-го с позиций снялись и армия, и сам император. Вскоре через леса мы добрались до большой открытой гряды холмов, охватывавшей Витебск и образывавшей потрясающую панораму. На одном из холмов был крупный город, украшенный множеством церквей и башен. Освещенный лучами утреннего солнца, он имел дружественный вид. На дальних возвышенностях, разделенных множеством иногда глубоких оврагов, мы увидели русскую армию, выстроенную в боевом порядке: это было отрадное зрелище для Наполеона и его войска. Но и здесь русские отказались от сражения, о чем я очень сожалел как художник, так как местность отличалась такой притягательностью и большим разнообразием пейзажей, что могла бы стать богатым материалом для превосходных картин. Лишь кое-где произошли острые столкновения, но уже к одиннадцати часам утра огонь с обеих сторон стих, и только треск ружейных выстрелов, которыми из оврагов дразнили друг друга стрелки обеих сторон, еще затягивал сражение.

Наполеон остановился на одном из холмов с очень хорошим обзором и с удовольствием ел свой второй завтрак. Его окружали принц Евгений и несколько генералов. Император находился так близко к перестрелке, что рядом пролетали русские пули. После завтрака он сел на коня и в сопровождении многочисленной свиты начал разведку местности. Чтобы не привлечь внимания врага, гвардейцы следовали за Наполеоном на расстоянии более 150 шагов. Я же схлопотал выговор от одного из адъютантов, так как, отвлеченный разными наблюдениями, заехал слишком далеко вперед.

Жара в тот день была невыносимой и действовала угнетающе. Принц Евгений прилег на поле сражения среди итальянской гвардии. Для тени я с помощью

его мамлюков и нескольких солдат сделал шалаш из ветвей с листьями: здесь принц спокойно проспал несколько часов. Случившаяся передышка была желанна: все, кто мог, отдыхали. Была странная тишина, до тех пор пока солнце не стало клониться к закату, подготавливая нам новое, в высшей степени впечатляющее зрелище. В знойном мареве перед нами лежали Витебск и русский лагерь; весь горизонт на западе казался залитым одним золотом. Этот цвет заставил «пламенеть» город и три-четыре других поселения, потом «пожар» охватил ниву и дымка этого разнородного «пламени», поднимавшаяся до самого неба, с заходом огненного солнца окрасилась красным. Все являло собой жуткую, но великолепную картину, привлекающую внимание даже рядовых солдат. Казалось, земля превращается в огненное море. Принц Евгений выразил сожаление, что такие световые эффекты лежат за пределами живописи и их нельзя точно передать красками.

С закатом надежда на решающее сражение снова исчезла, и все ждали его на следующее утро, а сегодняшние события истолковали как прелюдию. Мне, однако, показалось, что вечернее свечение не было хорошим предзнаменованием. Мысль, что русские подожгли свои склады, витала где-то рядом, но не озвучивалась. В любом случае, разочарование последовало довольно скоро.

Наступило утро, плотный туман окутал даль, мы взобрались на возвышенности, настороженно смотрели и вслушивались, но не увидели и не уловили ничего со стороны неприятеля. Кругом царил величественная тишина. Наконец пелена отступила, но врага не было. Он исчез, причем так, что целых двадцать четыре часа никто не мог обнаружить никаких следов. Казалось, сама природа составила заговор против Наполеона — при долгой сухой погоде густой туман очень редкое явление.

Мы беспрепятственно перешли овраги, отделявшие нас от Витебска и основных дорог. Наполеон со своей гвардией отправился в покинутый город, а оставшейся части войска пришлось его миновать.

Принц Евгений мог бы также отправиться в город, однако этот полководец — образец благородства — предпочел находиться рядом со своими солдатами, деля с ними трудности маршей при почти невыносимой жаре и удручающей пыли. Какое-то время он и Мюрат сидели у деревянной придорожной церкви, пока мимо в душных облаках, поднимавшихся с дороги, проходили подразделения кавалерии. Вид у кавалеристов был призрачный: лица, форма, кони — все имело один серый цвет. Когда Мюрат удалился, принц лег, закрыл лицо платком и заснул, утомленный жарой; мимо в почтительном молчании проходили солдаты все они знали и любили его.

Наполеон в это время покинул Витебск, надеясь нагнать врага, но вернулся на следующий день, так ничего и не обнаружив. Ночью с 28-го на 29-е император, Неаполитанский король Мюрат и Евгений спали каждый в своей палатке, а день спустя принц вместе с 4-м армейским корпусом выдвинулся в Сураж на Дюне, где мы временно расположились, найдя довольно сносные квартиры.

В Сураже мы провели десять дней, чтобы затем пойти вверх по Днепру в сторону Смоленска. Во время отдыха армию настигло новое бедствие — дизентерия. Она была столь беспощадна, что многие умирали, а вылеченные страдали от истощения.

На собственном опыте мы поняли, насколько сильно здоровье человека зависит от хлеба или таких хотя бы приблизительно похожих на него продуктов, как бобовые, рис и прочее. Уже шесть недель армии не хватало продовольствия, многие подразделения были вынуждены питаться одним мясом. Солдаты этих корпусов оказались в таком плохом состоянии, что часто падали от изнеможения во время маршей. Эти несчастные и становились главными жертвами дизентерии.

Смоленск. Бородино. Битва под Москвой

От Суража до Смоленска мы шли пять-шесть дней через живописные, урожайные области, свидетельствовавшие о благосостоянии местных жителей; пышные, обильные нивы, прекрасные луговые долины, плоды садоводства, скотоводства и пчеловодства — все это было представлено здесь в избытке. Мы приходили в деревни, где все вокруг кишело живностью, что, конечно, очень нравилось солдатам. В больших количествах здесь были молоко и мед, но это доставалось тем, кто шел впереди. Изголодавшаяся армия поглощала все, что находила, и забирала с собой все, что могла унести.

Я не увидел ни одного из жарких боев между русской армией, шедшей вверх по Днепру к Смоленску, и преследовавшими ее французскими корпусами под командованием Мюрата и других военачальников. Принц Евгений и его войско не принимали в этих сражениях никакого участия. Спокойно, не испытывая других невзгод, кроме мучительной жары, мы шли через холмы и равнины, поля и леса, окрыленные новой надеждой о скором, счастливом повороте событий у Смоленска, и добрались до его окрестностей к середине августа. Погода еще оставалась ясной, и у нас было множество по-настоящему удобных мест для стоянок.

Более месяца я крайне редко снимал платье, а постелью мне служила любимая мать-земля, покрытая в редком случае небольшим количеством соломы, после этого кров в убогой лачуге показался мне очень комфортным; в наших условиях это была хорошая квартира.

Здесь я отчасти переработал набело беглые наброски, сделанные во время последних сражений между Бешенковичами и Витебском. Принц с большим интересом просмотрел мою папку, сообщил свои замечания и собственноручно написал несколько рисунков, тем самым удостоверив время и место их создания. Это участие принца помогло мне позднее, когда сюжеты эскизов легли в основу живописных работ, и даже после смерти моего покровителя я был защищен от нападков, которым часто подвергается художник-баталист. Акварель, подробно изображавшая один из основных моментов жаркого сражения в лесу при Островно 26 июля, так понравилась принцу, что он отправил ее своей сестре Гортензии.

Эта передышка, когда можно было с удовольствием предаваться лишь художествам, сказалось на мне благоприятно: я был весел, здоров и оставался устойчив к дизентерии. <...>

Период этого перехода и задержка на десять суток в Сураже относятся к редким спокойным дням, выдавшимся за несколько месяцев.

Принц приказал разбить его палатку в изрезанной оврагами березовой роще в часе пути до Смоленска. Березы в России особенные: они вырастают высокими, при этом очень пышны и нарядны.

Местность, отличавшаяся меняющимся рельефом и картинными группами деревьев, под которыми покойно чувствовали себя и люди, и животные, имела поистине стимулирующий эффект: один мой рисунок сменялся другим, но я ощущал свое крайнее убожество, так как мог запечатлеть лишь малую толику из множества красот! Сколь ценны подобные мгновения и как быстро они проходят!

Битву под Смоленском я, увы, также не увидел — 4-й армейский корпус в ней не участвовал, а я не хотел самовольно отлучаться из штаба принца Евгения.

В вечер сражения глазам обитателей нашего лагеря предстало впечатляющее зрелище: город был охвачен ярким огнем пожара, с заревом которого смешивались лучи пламенеющего вечернего солнца. От этой магической подсветки листва и белые стволы берез сияли, словно позолоченные. Более ни разу

в жизни я не видел таких волшебных световых эффектов; даже дым лагерных костров приобретал от этого сияния красный оттенок, добавляя призрачности всему происходящему в освещенном лесу. Пожар бушевал в Смоленске всю ночь. На следующий день город был взят. Русские оставили его, отступив на холмы противоположного, правого берега Днепра. Наполеон верхом въехал в Смоленск. Затем противник быстро сдал и следующую свою позицию и снова бежал. Опять исчезла надежда императора на решающее сражение и победный триумф. Он не подозревал, что момент на самом деле переломный; еще было время вернуться, но ни один добрый гений не шепнул ему: «Отсюда ни шагу дальше!». Злой рок гнал его самого и прославленную подвигами армию навстречу гибели.

Смоленск, украшенный одной большой и множеством маленьких церквей и нарядных зданий, отличается необычным, оригинальным обликом. Его окружает мощная стена с бойницами, укрепленная множеством крепких башен. Внутри город выглядит светлым и опрятным. Дома перемежаются плодоносными садами и располагаются на склоне вдоль Днепра, отделяющего город от лежащего ниже по течению обширного предместья. За исключением нескольких строений, пожар не тронул внутренней части города, тогда как великолепное предместье через реку обратилось в груды пепла; его дымящиеся руины мы пересекли на следующий день после взятия города.

Принц Евгений занял именно те высоты, которые оставили русские на другом берегу Днепра; нам открылась внушительная панорама. Я нашел время, чтобы выполнить обстоятельный рисунок города и его симпатичных окрестностей. При ясной погоде и временами сильной жаре здесь мы простояли с 17 по 20 августа.

Небогатый дом, где остановился принц, располагался рядом с отмеченной двумя пирамидами заставой на Петербургской дороге; в уютном садике около дома я соорудил для себя хижину со столом и лавкой из досок, собранных в округе. Здесь я чувствовал себя спокойно, приводя в порядок часть того, что ранее было набросано мною только несколькими штрихами; кроме того, рисовал я и много нового. Это были последние часы досуга, доставшиеся мне за время похода. Спешка многочисленного войска, стремившегося поймать великий решающий момент, не оставляла художнику времени на изображение всех достойных того событий. Скрепя сердце я вынужден был многое пропускать.

При постоянных перемещениях было опасно отрываться от своего подразделения, не важно, корпус это, полк или штаб. Пару раз я забывал об этом, со страстью отдаваясь рисованию, но быстро понял, как трудно потом найти своих.

Нерадостная атмосфера царил в дни нашего отдыха в Смоленске, и солнечная погода только способствовала этому: воздух отравляли еще дымивши-

еся пожарища и зловоние множества непогребенных лошадиных и человеческих трупов, черневших и быстро разлагавшихся при большой жаре, хотя за время войны привыкаешь к вещам, вызывающим в обычной жизни содрогание и отвращение.

Трудности и печальные последствия этой опустошительной войны продолжали множиться. Разграбленный и наполовину разрушенный Смоленск превратился в самый убогий лазарет. Не было врачей, лекарств и всего, что требовалось для ухода за множеством больных и раненых. Значительная их часть становилась добычей смерти. Неизбежным итогом стала госпитальная лихорадка (тиф), уносившая сотни людей.

Между тем большой военный совет принял решение двигаться на Москву, что предопределило судьбу Великой армии. Ключевые полководцы, в числе которых были Мюрат и принц Евгений, выразили несогласие с московской кампанией, однако император выступал за нее, и большинство с ним согласилось: столь весомой оказалась воля одного человека для судеб тысяч других.

В горячих и кровавых боях, данных Неем, Мюратом и Даву русскому арьергарду, 4-й армейский корпус участия не принимал. А так как моей задачей является изложение событий, свидетелем и участником которых был я сам, об этих сражениях мне сказать нечего.

Утром 23 августа начался роковой поход на Москву, вскоре похоронивший силу и славу Наполеона; на сей раз в путь отправлялись без победного воодушевления, витавшего над этой же армией в 1806 году на подходе к Берлину и в 1809 году на подступах к Вене; сейчас всех одолевали сомнения в триумфальном успехе. Прессение трудностями, с которыми непрерывно приходилось бороться несколько месяцев, тревога из-за продолжавшихся побегов людей и множества потерь, беспокойство, когда и как мы снова увидим наше отечество, — все это подрывало боевой настрой, с которым обычно вел солдат к победе Наполеон.

Что достигнуто спустя восемь месяцев жизни в сложнейших условиях, когда потеряна половина армии? Трофеев нет. Несколько пушек и около пятисот пленников — и это все! Честолюбие и воинский дух, питавшие армию, как и воспоминания о множестве славных побед, еще объединяли солдат и влекли вперед. Однако многих охватило пророческое предчувствие — эту войну ожидает несчастливый финал.

Немногое можно сказать о походе из Смоленска до места большого сражения при Бородино, где смерть подстерегала свою огромную добычу. Те же трудности и лишения, что и раньше, ежедневно изматывали и ослабляли армию; снова страдали лошади. Давно уже артиллерия и персонал гужевого транспорта впрягли

в пушки и телеги мелких и тощих русских кляч с жалкой составной сбруей. У людей истощенное тело часто поддерживается моральной силой, а животные слабеют быстрее. Чуть лучше дело обстояло в начале пути, когда погода была ясной, дорога шла через урожайные и богатые области, где находились пища для солдат и фураж для скота, словом, еще была возможность утолить голод.

За первый день мы добрались до Пологов, следующим утром перешли маленькую невзрачную реку Вопь, оказавшуюся, однако, важной вехой для армии на ее обратном пути. Как и большинство рек, которые уже встречались нам в России, Вопь имеет глубокое русло и высокие отвесные берега, сильно осложняющие переправу артиллерии. Моста пред нами не оказалось, но поскольку из-за засушливого лета река сильно обмелела, ее можно было легко перейти вброд. Совершенно иначе дела обстояли несколько месяцев спустя. Осень щедро снабдила русло реки водой, а зима образовала ледяной мост, который, однако, при переходе проломился и привел к досадной необходимости бросить значительную часть зарядных ящиков и снаряжения.

Так или иначе, наш летний переход реки являл подлинно прекрасную картину и вдохновил меня на зарисовки некоторых сцен. Принц Евгений, храбрый, мудрый, проявлявший заботу о своем войске, имел привычку задерживаться в таких местах часами, самолично убеждаясь в осуществимости предприятия. Окружение принца часто злилось на него за это, особенно молодежь, но если бы так же поступали все военачальники, на армию не обрушились бы ее безграничные бедствия.

25 августа мы прибыли в Заселье и расквартировались в величественном каменном дворце, поражающем великолепием архитектуры. Назавтра нам пришлось еще раз переходить Днепр около Благого. В этом месте Днепр шире Вопи, так же глубок, но берега его не столь обрывисты.

Разрушенный мост через Днепр восстановили с большой тщательностью, и он стал пригодным для использования. Здесь принц также задержался до тех пор, пока не убедился, что переправа безопасна. Между тем пехота и кавалерия пошли вброд, так как глубина реки была не более пяти футов.

Вечером в деревне Гапоновщина нам опять встретился роскошный дворец, расположенный рядом с необычной церковью в греческом стиле с множеством старых диковинных образов на золотом фоне. 28-го мы остановились перед Вязьмой. Этот город приветливо раскинулся среди пологих холмов; он был украшен множеством церквей, издали формировавших довольно неприглядный городской силуэт. В город мы не входили — там были еще русские, которые, правда, вскоре отступили, а с ними бежала и большая часть жителей. Принц

Евгений остановился на возвышенности на расстоянии пушечного выстрела от Вязьмы, спешился, сел на землю и долго смотрел в подзорную трубу на город и окрестности. Мы поступили так же и отдыхали добрый час, пока мимо проходили, принимая боевой порядок, колонны авангарда 4-го армейского корпуса, и в первую очередь кавалерия. День был ясный, при этом гнетущая жара, мучившая нас целый месяц, отступила, отчего этот короткий привал доставил нам настоящее удовольствие.

К сожалению, и здесь мы скоро заметили печальные свидетельства войны: над городом стали подниматься плотные, красно-коричневые облака, говорившие о пожаре. Сгорело, как мы потом узнали, многое, но город был разрушен не полностью — стихия поберегла себе кое-что на зиму.

Вязьма осталась справа от нас; принц, находившийся теперь в авангарде, преследовал русских с легкой кавалерией, прежде всего с баварскими и славными итальянскими егерями. Они и казаки, часто появлявшиеся впереди большими отрядами, поддразнивали друг друга, а поскольку войска долгое время шли через пологие холмы и поля, можно было видеть довольно интересные маневры кавалерии, которые, правда, так и не привели в этот день к серьезному сражению.

Постепенно множились приметы того, что скоро случится нечто великое. С 1 по 3 сентября Наполеон находился в городе Гжатск, собрав вокруг себя большую часть армии, тогда как принц Евгений медленно двигался дальше в погоне за казаками. Последние часто попадались нам большими группами; других же русских войск мы не видели до 5 сентября. Во время одного из маршей принц со свитой и небольшим эскортом беспечно следовал за баварской кавалерией и полком итальянских егерей под командованием полковника Банко, когда баварский офицер доложил о множестве появившихся впереди казаков, призывая принца решить, стоит ли продвигаться слишком далеко. Евгений не придал донесению большого значения или решил сам во всем убедиться; он спокойно двинулся дальше, пока с одной из возвышенностей не открылся панорамный вид на окрестности. Слова баварца подтвердились: казаки сильно теснили нашу кавалерию, вынуждая ее отступать. Воодушевленные успехом, казаки в огромных количествах высыпали из лесов и с громким криком «Ура!» занимали обширную равнину. Насколько хватало глаз, везде были их отряды. По счастливой случайности рядом оказалась баварская легкая батарея Виттмана, без которой дело могло закончиться плохо. Артиллеристы срочно поднялись на наш холм, заняли огневые позиции и открыли быстрый и действенный огонь, так что казаки рассеялись, подобно рою мух, и скрылись в своих лесах.

Мы стояли достаточно близко, чтобы в подробностях увидеть все детали этого изящного маневра, оценить, с каким азартом, с какой неимоверной быстротой действовали артиллеристы. Это подразделение всегда было очень храбрым и стойким, даже под сильным огнем противника. Стрелять же по кавалерии, не опасаясь ответного огня, было для него своего рода потехой. Принц Евгений и его окружение выразили батарее свою глубочайшую признательность.

До сих пор моя сильная натура выдерживала все причуды климата, трудности, лишения и нагрузки, и я радовался нерушимости своего здоровья. Тем не менее, в начале сентября, почувствовав себя плохо, с сильной головной болью, отсутствием аппетита и жаром я обратился за врачебной помощью. Приняв рвотное средство, я лежал в тяжелом состоянии в одном бедном доме в ставке принца Евгения; передо мной стоял старый горшок с грязной теплой водой, которая должна была усилить действие лекарства. Вдруг по тревоге был поднят весь штаб. Казаки врасплох захватили сторожевые посты и грозили проникнуть в населенный пункт, где мы располагались. Людей в ставке было недостаточно для успешной обороны, поэтому ее в спешке покинули. Мне предназначили место в одном из экипажей, но из-за ужасного самочувствия мной овладело абсолютное безразличие, и я попросил оставить меня. Разводить сантименты было некогда — меня предоставили судьбе. Вскоре я услышал радостный крик «Ура!», казаки ворвались в поселение и с диким шумом метались по его улицам. Валяясь в своем чулане на ложе из грязной соломы, я уже приготовился к незванным гостям, как вдруг раздался гром орудий. Это снова была отважная батарея Виттмана, указывавшая искателям приключений обратный путь. Артиллеристы так энергично обстреливали широкие улицы с небольшого холма, что казаки, очевидно, не особенно жаловавшие ни маленьких, ни больших снарядов, посчитали разумным удалиться. Через полтора часа принц снова занял свою квартиру, где спокойно находился до следующего дня.

Осень уже заявила о себе, невыносимо жаркие дни сменялись прохладными ночами, и, возможно, эта быстрая смена температур оказывала на меня вредное воздействие — я все еще чувствовал себя плохо, следуя в одном из фургонов со штабным обозом. Мой слуга с тремя лошадьми ехал сзади. Медленно двигаясь вперед, вечером 4 сентября мы подошли к той череде холмов, земля которых в следующие дни была полита кровью сорока или пятидесяти тысяч человек.

Пока я в мрачном настроении сидел в углу фургона, у меня было время подумать о том, что я увидел и пережил за последние четыре месяца и о будущем. Вдруг мои размышления прервались: громадные облака дыма поднялись на горизонте, я заметил разрывающиеся в воздухе гранаты гаубиц, а продолжительная канонада не оставила сомнений, что началось сражение.

Как наэлектризованный, я выскочил из фургона, были забыты раздумья и лихорадка, энергия и жизнь воспрянули во мне. Я сел на коня и устремился туда, где завязалась битва. Вскоре я достиг поля сражения при Бородино. Шел вечер 5 сентября: бой начался.

Какой вид здесь открывался! Едва ли не все русское войско собралось в боевом порядке на необозримой гряде холмов; обе армии разделяла долина, по которой извивалась небольшая речка Колоча. Слева от нас, примерно в часе пути, находилось небольшое селение Бородино, так русские и стали называть впоследствии это грандиозное сражение. Мы стояли на возвышенности, откуда далеко просматривалось все вокруг. Панорама поля боя производила монументальное впечатление; картина, образованная в общих чертах крупными формами и лаконичными линиями, дополнялась мелкими штрихами оврагов; голая земля с рыжеватой песчаной почвой почти не имела растительности, кроме больших участков кустарника и мрачных еловых лесов на горизонте.

Когда я подъехал, огонь стих, и французы начали переходить Колочу. Повсюду стояла тишина, русские, следившие за нами, казалось, думали: «Только подойдите, и мы примем вызов!». Суровость сцены подчеркивали серое небо с тяжелыми облаками и дувший над холмами холодный северо-западный ветер.

Долгое время принц Евгений стоял на возвышенности, с которой можно было далеко обозревать местность и расстановку русских; перед ним располагалась батарея, занявшая огневые позиции. Артиллеристы стояли у орудий, в напряженном ожидании вглядываясь вдаль, в сторону бесчисленного врага. Это был торжественный момент. Какие мысли могли приходить в голову этим людям, какие чувства теснились в их груди? Ведь каждому было ясно, что решающая битва вот-вот поставит на карту судьбу армии и, возможно, участь основных европейских держав.

Отсюда принц отправился левее, в сторону Бородино. Артиллерия и саперы 4-го армейского корпуса укрепляли свою позицию, насколько позволяли средства и время, возводили земляные валы на возвышенности, находившейся на расстоянии пушечного выстрела от губительно большого русского редута. Пока шла работа, орудия противника грохотали не переставая. Удивительно, на что способны руки человека за короткое время. Наша высота походила на муравейник. Тысячи людей с кирками, лопатами и прочими разнообразнейшими инструментами и тачками копали землю. Один за другим появлялись брустверы с турами, и к утру был готов редут для тридцати шести пушек. Накануне вечером после трех неудачных штурмов с большими потерями захватили, наконец, и русское укрепление. Сражение было ожесточенным; множество снарядов падало рядом с местом, где неподвижно стоял принц Евгений. Один из них сбросил с коня

офицера Главного штаба Дёберляйна (он был выходцем из Страсбурга) прямо около меня. Конь, раненный в шею, взвился на дыбы и скинул всадника, упавшего на спину. Перед этим мы были погружены в разговор, я рисовал, затем отвел глаза от бумаги и сказал: «Полагаю, это к нам!». В то же мгновение прилетел снаряд. Принц Евгений обернулся, но остался на месте, сохраняя обычное спокойствие, которое всегда проявлял под обстрелом.

Наступал вечер и на холмах подул жуткий студёный ветер, затягивавший горизонт густыми тяжёлыми облаками. 5 сентября русские потерпели поражение, но это было достигнуто ценой жизни множества храбрецов.

Ночная панорама, открывшаяся нам на пути к биваку принца Евгения, зрелищно дополнялась огненными дугами, тянувшимися за русскими снарядами; они все еще летели нам вслед, взрываясь в воздухе или на земле. Такой снаряд разорвался прямо у меня за спиной, мой конь рухнул на колени, и я подумал, что в него попал осколок гранаты, но оба мы остались невредимы.

Ночью с 5-е на 6-е я мерз на одной из телег; пушки мало-помалу умолкли, но ружейная пальба продолжалась всю ночь и почти не дала мне поспать. Я еще чувствовал слабость и возбуждение от лихорадки, но сама она более меня не беспокоила.

Утром 6 сентября горизонт заволокло прохладным влажным туманом, какое-то время боровшимся с теплыми солнечными лучами и медленно опускавшимся к земле, что сулило ясный день. В лучах утреннего солнца мы увидели внушающее ужас своими размерами русское войско, выстроившееся перед нами в боевом порядке. Ни до этого, ни позже не видел я поля битвы, дарившего так много идей для изображения, как это было при Бородино.

Я в полной мере использовал ясную погоду и абсолютное прекращение огня 6 сентября. Представив частичную панораму, я набросал очень точный рисунок местности и построения русских. Мой острый глаз, замечавший каждое движение неприятеля, не подвел меня и на этот раз. Так я создал рисунок большого исторического значения. Однако при этом не обошлось без неприятностей. Я продвинулся вперед как можно дальше и долго работал на одном и том же месте; рядом стоял мой сивый конь, он, видимо, и привлек внимание русских. Неожиданно из большого вражеского редута раздался пушечный выстрел, снаряд просвистел над моей головой и оторвал левую руку несчастному артиллеристу, стоявшему позади и с большим интересом следившему за моей работой. После этого внезапного и дерзкого предупреждения я быстро вернулся туда, где со свитой находился принц Евгений. Он давно уже наблюдал за мной: сначала мое бегство вызвало его смех, но затем он отругал меня за сивого коня и запретил мне в будущем брать его в подобных случаях.

Сегюр в своем труде упоминает этот пушечный выстрел, единственный, случившийся в тот день и давший повод самым странным предположениям. Сам Сегюр, например, решил, что снаряд был адресован императору, который, однако, в тот момент находился намного дальше: на холме у Бородино; снаряд был направлен в определенную точку, из-за чего я с большой долей вероятности отношу его на счет собственной незначительной персоны. К счастью, еще до выстрела я уже почти закончил рисовать, запечатлев желаемое, поэтому легко примирился с тем, что меня побеспокоили столь неприятным образом.

В остальном день прошел спокойно; все готовились к большому сражению следующих суток. Хотя ранее русские отступали после каждого боя, мы уже имели возможность познакомиться с их храбростью и упорством, чтобы предположить, какой отпор они могут дать завтра. Многие, кому приветливо светило солнце 6 сентября, спрашивали себя: «Увижу ли я завтрашний закат?».

Человек привыкает к очень многому и бывает готов дерзко и мужественно идти навстречу смерти, и тем не менее в тот вечер многих мучила одна и та же мысль, что, возможно, придется умирать без всякой помощи в разоренной стране, далеко от дома, от дорогих и любимых. Подобные страхи одолевали в этой пугающей тишине даже настоящих героев. В разгар боя было не до размышлений, и тревога отступала.

День клонился к вечеру, солдаты собрали боеприпасы и продовольствие, привели в порядок оружие и расположились на предписанных им местах. Генералы вернулись к своим бивакам, в том числе принц Евгений, который провел весь день в наблюдениях и приготовлениях.

Ночь была промозглой и жуткой, стояла гробовая тишина и, наверное, лишь немногие смогли насладиться спокойным сном. То, что Наполеон провел эту ночь в большом возбуждении, я узнал утром в штабе принца. К 5 часам, хотя было еще темно, началось движение; вскоре после 6-ти мы уже были в седлах. Перед этим, чтобы немного согреться и что-нибудь поесть, я растворил в разогретой на костре воде плитку консоме. Это было все, что я съел за восемнадцать часов. Душевное волнение в такой день, как 7 сентября, было слишком велико, чтобы думать о еде. К 7 часам бой завязался сначала на левом фланге, где находился принц Евгений. С того места, где я стоял, мне были видны все перемещения, причем настолько хорошо, что я мог распознать каждого отдельного человека. И в самом начале дня перед моими глазами развернулась жестокая сцена.

Пехотная бригада под командованием генерала Плозона овладела деревней Бородино, перешла расположенный рядом мост через Колочу и, разгоряченная успехом, продвинулась так далеко, что попала под мощный обстрел

с фронта и фланга. Было страшно смотреть, как растянувшийся строй был раскидан и истерзан вражеской стрельбой. Палили с такой интенсивностью, что поднялось большое облако песка, взрыхленного картечью. Когда оно рассеялось, все шеренги лежали на земле. Ряды бригады постепенно редели, и под конец они уже не могли сомкнуться, и солдаты передвигались разобщенными группами. Сам генерал пал в числе первых; он понимал глупость этого бравого порыва, но не смог сдержать подчиненных, охваченных иступлением. В конце концов им на помощь пришел столь любимый Евгением 92-й полк легкой пехоты, спасший крошечную кучку уцелевших. Но земля была усеяна телами мертвых и раненых. Так начался роковой день и так же продолжался; шла непрерывная борьба, происходили обоюдные отвратительные убийства. С обеих сторон сражение велось с небывалым озлоблением и упорством. Русские стояли стеной под обстрелом и мощным натиском французов. Тысячи трупов покрывали напоенную кровью землю, но ряды русских все пополнялись. Было очевидно, что их вдохновляла вера в исполнение священного долга. Они называли это поле боя святым, и ходила легенда, что ни один враг не прошел дальше него.

Страшный огонь велся по рядам французов из огромного «вулкана» — большого редута. Он был главной опорой неприятеля на правом фланге и располагался на высоте, из-за чего русские господствовали над местностью. Особенно сильно от обстрела пострадал 4-й армейский корпус; славный принц Евгений весь день был мишенью для стрелявших. Трижды французы с отчаянным упорством штурмовали эту смертоносную кучу земли и трижды вынуждены были отступить с чудовищными потерями.

Еще до полудня сражение растянулось по всей линии фронта, страшно, на мили вокруг грохотали орудия, вверх тянулись исполинские столбы дыма. Однако усилия сторон не оправдались. Наступил полдень, а нещадным убийствам не было конца. Ранеными приносили одного генерала за другим, для многих наступил смертный час, солдаты волочились с поля боя, обливаясь кровью, в некоторых местах земля была сплошь покрыта трупами; в этот день я увидел самые ужасные ранения и увечья, и описывать их не представляется возможным.

О том, что происходило в центре и на правом фланге французов, я не могу рассказать по собственным впечатлениям, так как всегда находился при 4-м армейском корпусе, однако о силе и активности сражения там, где командовали Ней и Мюрат, можно было получить довольно четкое представление и издали. Тогда героем был каждый, однако сила и энергия этих двоих проявились в высшей степени. В отчаянной борьбе использовались все возможные приемы военного искусства, осуществить которые могло только многократно подтверждавшее свою

смелость лучшее войско, способное стремительно маневрировать, но все усилия разбивались о непоколебимую стойкость русских. К полудню я покинул поле большого сражения и отправился через Колочу назад в лагерь, где находились экипажи принца; я хотел взять другого коня, так как мой страдал из-за небольшого повреждения ноги. Лишь только я добрался до места, как с внешнего левого фланга раздалось оглушительное «Ура!». Огромная толпа казаков стремительно налетела на баварскую кавалерию (3, 4, 5 и 6-й полки шеволежеров), однако грубость атакующих натолкнулась на спокойную выдержку опытных немецких войск, ждавших неприятеля с перезаряженными карабинами. Итальянская гвардия, в то время как раз выходящая на большое поле и оказавшаяся поблизости, также развернулась фронтом в сторону казачьего натиска и сорвала замысел, заключавшийся ни в чем ином, как в нападении с тыла на левый фланг. Если бы этот маневр удался, то все экипажи принца и императора оказались бы в руках неприятеля, а большой редут, противостоявший русским, столкнулся бы с реальной угрозой. Дело казалось опасным, ведь нужно было остановить десять тысяч казаков. На своем новом добром коне я хотел отыскать панорамный вид, но очередное действие ужасной драмы заинтересовало меня. Я направился в сторону итальянской гвардии и имел удовольствие вблизи наблюдать грандиозный маневр конницы.

Вскоре после этого я верхом двинулся через долину Колочи на свое прежнее место, став по дороге участником почти комической интермедии. Именитый шталмейстер принца Евгения по имени Беллизони остался без коня, который был застрелен. Конюху поручили привести принцу нового жеребца, а также другого шталмейстера на смену Беллизони. Выбор пал на барона Алеманью, миланского кавалера, который никогда не был в сражении и буквально днем ранее прибыл из Милана в армию в качестве курьера. Возвращаясь на позицию, я задержался для рисования в месте не более опасном, чем остальные. Вдруг увидел приближающегося ко мне конюха с новым скакуном и шталмейстером. Алеманья, знавший меня по Милану, в ужасе вскричал: «Но Адам, что вы здесь делаете? Вы в своем уме? Человек спокойно сидит на своем коне и рисует, словно он у себя дома в мастерской, пока мимо летят пули». При этом он очень пугливо смотрел по сторонам, не приближается ли какая из них. «Мой дорогой барон Алеманья, — сказал я, — теперь это и есть моя мастерская, а к свисту пули я уже привык!». «Он привык! — был ответ, — мне сейчас приходится идти туда, я бедный малый (*son 'povero diavolo*), моя честь, положение при дворе, все пойдет прахом, если я не решусь на риск. Но вы! Художник, подобный вам, свободен, для него открыт весь мир, не понимаю, как можно подвергать себя такой опасности!» Наверное, он еще долго болтал бы со мной, но конюх торопился, так

что я упаковал свои вещи и сказал: «Пойдемте, Алеманья! Я с вами! Мужайтесь, цели достигают не все пули, иначе и меня бы уже давно здесь не было».

Коллебаясь, мой добрый знакомый отправился следом, и вскоре мы прибыли в зону настоящего обстрела, где было больше поводов бояться, но всю вторую половину дня он держался молодцом. Принц, возможно, заметивший испуг своего шталмейстера, сказал вечером: «Алеманья сегодня добился большего, чем все мы». Было принято шутить о таких вещах, однако сделанные над собой усилия ценились высоко.

В 1813 году я встретил Алеманью совершенно невредимым в Милане: в обществе он часто с милейшей откровенностью рассказывал о нашей встрече в той незавидной ситуации, упоминая и о своем страхе перед первыми пулями, свист которых он услышал.

Может показаться странным, что знатного шталмейстера брали с собой в огонь и он не мог с этим ничего поделать; но таков был обычай, а Мюрат водил за собой даже пажей.

Принца Евгения и его корпус постоянно беспощадно обстреливали из большого русского редута. Роковое укрепление все еще упорно оборонялось: во второй половине дня оно превратилось в кучу земли в прямом смысле этого слова — французские орудия нанесли его стенам большие повреждения, — и тем не менее русские в редуте по-прежнему сохраняли невероятную стойкость, у них не было отвоевано ни пяди земли, и это положение стало для нас поистине мучительным.

Часто я слышал от храбрейших офицеров, что если слишком долго подвергаться опасности, она утомляет, надоедает, и тогда прибегают к крайним мерам. В тот момент дело обстояло именно так; любой ценой нужно было добиться разрешения ситуации.

Принц Евгений распорядился о новой атаке; без особого воодушевления колонны солдат вновь двинулись вверх по злополучному холму, мимо трупов множества своих храбрых товарищей, судьбу которых скоро должны были разделить и они сами. К счастью, это было последнее тяжелое задание того дня. В то же самое время Наполеон принял отчаянное решение направить против русских смертоносное количество кавалерии, напасть на редут с тыла и таким образом овладеть им.

Разумеется, русские не оставили свой тыл незащищенным. Кавалерия подверглась двойному и тройному обстрелу с фронта и флангов, но маневр удался — Наполеон поручил его Мюрату, осознавая, на что способен этот человек. Какими жертвами была достигнута цель, показали вечер и следующий день.

Наступление было грандиозным, но жутким; дух войны вырвался на свободу, все оружие оказалось в действии: меч, штык, все виды снарядов; особенно зверски в наступающих рядах бесчинствовала картечь. Вверх поднимались исполтинские облака пыли, смешанные с пороховым дымом. То тут, то там зловеще сверкали шпаги, атакующие мчались мимо мертвых и раненых, мимо оружия, военной техники и всего, что лежало на земле; казалось, несется дикая орда.

Редут был взят кирасирами; почти одновременно туда прибыли колонны принца, которым приказали наступать с фронта. Генерал Коленкур, командир кирасиров, пал смертью храбрых у бруствера «вулкана». Немецкая кавалерия также сыграла важную роль в сражении, особенно баварцы, саксонцы и вюртембергцы. Саксонский кирасирский полк был уничтожен почти полностью, рядом с редутом я видел поле, покрытое телами его солдат. От 1-го баварского полка шеволежеров вечером 7 сентября годными к службе и верхом остались всего тридцать солдат и два офицера.

Французы умели эффективно использовать войска союзников, особенно немецкую кавалерию, и, как правило, поручали им не самые легкие задачи. Впрочем, во время этого отчаянного штурма все полки в большей или меньшей степени понесли серьезные потери.

Став очевидцем грандиозного сражения, я считал это удачей. Обидно лишь, что все ключевые сцены, наславившиеся друг на друга с невероятной скоростью, нельзя было тотчас перенести на бумагу, чтобы передать потомкам.

Чудовищный кратер, восемь часов сеявший во всех направлениях смерть и погибель, наконец остыл. Французские орлы сверкали со взятой высоты, но эта глыба земли далась дорого, даже слишком дорого, как казалось многим.

Русские предпринимали различные попытки снова вытеснить французов из редута, однако, несмотря на большие усилия и невероятные жертвы, им это не удалось. Они уступили и отошли в боевом порядке на вторую позицию, где, прикрытые чередой редутов и окопов всех видов, оставались неприступны. Битва безуспешно продолжалась еще долгие часы; к вечеру огонь постепенно затих, пока, наконец, ночная мгла не положила конец убийствам.

Присутствие при борьбе жизни со смертью, как это было при Бородино, — духовно возвышает. Бесконечно восхищает мужество и презрение к гибели, с которыми войско спешит навстречу врагу под сильнейшим градом пуль или, что еще сложнее, сохраняет внешнее спокойствие. Во время самой битвы возбуждение, конечно, столь велико, что не остается времени на осознание, но когда гром орудий смолкает и в более спокойной обстановке можно досыта насмотреться на все беды и страдания, принесенные сражением, тогда человеческие чувства

просыпаются и бередают душу. С содроганием мы блуждали глазами по полю боя. Картина была страшная, особенно в районе большого редута.

Среди изувеченных трупов и оторванных членов со смертью боролись стоявшие и истекавшие кровью раненые; другие, брошенные накануне холодной ночи, тащились поодиночке или группами, сами не зная куда. Кто-то остался один на один со своей бедой. То тут, то там с поля несли офицеров, раненные менее серьезно вывозили тяжело раненных, еще сидевших верхом, но куда они шли? Никто этого не знал. Туда-сюда на почти загнанных конях сновали адъютанты, стремившиеся найти врачей для искалеченных генералов, но это было трудно или вообще невозможно. Оставленные лошади, часто с одной простреленной ногой, ковыляли куда-то на трех других. Не говорю уже о множестве лежавших кругом мертвых и раненых лошадях. Земля была изрыта ядрами, покрыта обломками разбитых орудий, зарядных ящиков, кусками форменной одежды, оружия и снарядов, являя собой картину настоящего разгрома.

Ужасен был вид широкого рва, окружавшего редут. В результате упорной обороны русские, подвергавшиеся весь день прицельному обстрелу, понесли колоссальные потери, и чтобы освободить место в редуте, друг на друга бросали своих мертвецов в ров между разбитых пушек и всяких обломков.

Удручающее впечатление произвело на меня место, где столь ужасно принесли себя в жертву 1-й и 2-й баварские полки шеволежеров. Помимо множества лежавших на земле тяжело раненных офицеров, я обнаружил также полковника 1-го полка, графа фон Витгенштейна, бывшего уже при смерти, павшего в самом расцвете лет. Его кровоточившие раны закрывал плащ; рядом находились саксонский врач, молодой, с простреленной рукой офицер и пять пострадавших солдат того же полка. После того как пал граф, командование принял его родственник, барон Карл фон Цвайбрюкен, пользовавшийся уважением всей армии, но и он вскоре был сражен в грудь выстрелом картечью. Ему не повезло, как Витгенштейну, принять после недолгих мучений героическую смерть на поле сражения: он умер от ран лишь несколько недель спустя в крохотном городке Можайске. Цвайбрюкен был одним из моих ранних покровителей, я беседовал с ним утром того рокового дня, и его гибель глубоко тронула меня.

Смеркалось. Мрачные низкие облака, гонимые резким северо-западным ветром, дополняли печальную картину.

Поле сражения при Бородино по большей части представляло собой дикую пустошь с незначительной растительностью и уже само по себе являло трагическое зрелище. Многочисленные овраги, заполненные мертвыми, сделали его почти непроходимым, и на нем было сложно сориентироваться. В часе пути друг

от друга было несколько плохоньких деревень, наполовину или полностью разрушенных; о дороге (за исключением большой дороги на Москву, которая еще оставалась в руках русских) не было и речи.

Желание максимально подробно осмотреть место сражения заставило меня долго блуждать по нему. Погруженный в свои мысли, я не торопил своего усталого коня и с большим трудом нашел ночью обратный путь. Чтобы не ограничивать себя, я давно покинул свиту принца, перемещаясь и осматривая местность по своему усмотрению. Это была последняя и самая большая битва, которую я наблюдал, и мое стремление увидеть войну во всех ее обличьях было удовлетворено с избытком.

Так долго и так страстно ожидавшийся день закончился; противостояние должно было разрешиться в пользу армии, от впечатляющих побед которой трепетал весь мир, которая вызывала восторг почти у всех наций. Более чем за восемьсот часов пути с бесчисленными лишениями эта армия к моменту сражения сократилась наполовину; при Бородино она испытала свое оружие на враге, но холодный расчет и спокойная выдержка противника привели гордое войско к гибели.

Оправдает ли ожидания кровавая битва? Стоит ли этот пустынный клочок земли принесенных бесчисленных жертв? Действительно ли это решающий разгром противника? Такого ощущения у меня не возникало. Все должно было проясниться следующим утром. С такими мыслями, голодный и оочечневший, к полуночи я добрался до вожделенного лагеря и начал искать глазами кухню и моего друга Гаварда.

Более четырех месяцев я провел вне дома и до сих пор не получил ни одной записки от молодой жены и домашних. Хотя писали мне аккуратно, послания ни разу не ушли в нужном направлении. Каждому курьеру на всех сторожевых постах я тщетно задавал тревоживший меня вопрос. Когда же теперь я, уставший и едва способный сам спешиться, прибыл в лагерь, то у костра, где собрались люди из прислуги принца, заметил посыльного. Я бросился к нему с вопросом: «Нет ли у вас письма для меня?» — «Есть!» — прозвучал отрадный ответ. Я был вне себя от радости. В день той роковой битвы я получил первое и единственное за всю кампанию письмо от своих. Оно принесло благоприятную новость о разрешении моей жены мальчиком. Также среди прочего в письме сообщалось, что мой пудель, которого я потерял в Торне на Висле, добрался до Мюнхена. Это письмо так ошастливило меня, что я вспомнил о своем голодном желудке лишь после прочтения его у костра. Затем мне захотелось покоя, который я нашел на соломе под одной из телег.

Утро 8 сентября было суровым, ветреным и сырым, как и весь день. Русские, как всегда, отступили в боевом порядке, предоставив нам поле сражения.

Это было все, что дала кровавая битва. Пленных я не видел, а потери с обеих сторон, видимо, оказались одинаковы, составив вместе пятьдесят тысяч человек. Среди них одних только убитых или раненых генералов насчитывалось, по словам Сегюра, тридцать два человека.

Принц Евгений отправился в Бородино, где провел всю первую половину дня, тогда как я еще раз обошел значительную часть поля сражения, зарисовав столько, сколько позволило короткое время. Зрелище разбросанных повсюду ключев форменной одежды, седельной сбруи, экипировки и головных уборов всех возможных родов войск вызывало у меня подлинную скорбь. Для художника-баталиста здесь хватило бы материала на всю жизнь. Но как забрать все эти предметы? Понадобилось бы несколько фургонов, но транспортных средств и так не хватало. Я охотно провел бы здесь еще несколько дней, чтобы нарисовать хотя бы малую толику... Когда я к часу дня вернулся в Бородино, стало известно, что мы отправляемся на Москву.

Москва! Эта мысль оживила всех. Какие надежды возлагались на древнюю столицу России! Что за гордая идея для легко вдохновлявшихся французов — водрузить своего орла на старом царском дворце! В том, что это произойдет в кратчайшие сроки, никто не сомневался. Все уже привыкли, что Наполеон навязывал противнику мир в его столице. А там недалеко и скорейшее победное возвращение из Москвы на любимую родину! Все дышало этим желанием, а человек охотно верит в то, на что страстно надеется. Пожалуй, были и те, кто не сильно предавался сладким мечтам: до сих пор русские с железным упорством вели войну по одной и той же схеме, и это заставляло несколько сдерживать воодушевление. При этом никто не мог подумать, что вековой город, с которым связано столько священных событий, наполненный культурными сокровищами, будет принесен в жертву таким образом, как это оказалось в итоге.

Армия отправилась за русскими разными путями; итальянская ее часть под командованием принца Евгения двинулась в направлении Красного и прошла мимо Можайска. Отсюда мы прибыли во Введенское. Пейзажи внезапно переменились, и можно было предположить, что на этом пути русские врага не ждали. Хотя большая часть местных бежала, мы не увидели пожаров, уже ставших обычными на нашем пути. Мы находили пищу и фураж, солдаты были в хорошем настроении, и с каждым часом росла надежда, что в Москве все будут вознаграждены за столь долгие, столь значительные лишения.

Во Введенском располагался превосходный дворец с образцовой обстановкой, говорившей о вкусе, художественном чутье и богатстве владельца: обширная,

красиво оформленная библиотека, собрание эстампов с замечательными и дорогими произведениями, разнообразные принадлежности для живописи и рисования. Всему этому соответствовала меблировка. Введенский дворец странно контрастировал со всем, что встречалось нам с момента входа в Россию. Тем более больно было смотреть, как расхищались эти сокровища. Хватали все без разбора. Самым варварским стало разграбление богатого винного погреба.

9 сентября мы перешли Москву-реку и прибыли в Рузу, по русским меркам не самый последний город. Неожиданно нам встретилась огромная вереница небольших телег — таких, как у русских крестьян, — с вещами, женщинами и детьми. С этими людьми, попавшими к нам в руки во время их бегства, солдаты обошлись не слишком мягко.

В самой Рузе мы встретили некоторое сопротивление со стороны ополчения типа ландштурма, возглавлявшегося аристократией. Городу пришлось горько заплатить за это. Солдаты мародерствовали и творили страшные безобразия. Долго терпевшие нехватку всего необходимого и встретившие наконец избыток того, в чем нуждались, они оказались особенно расположены к подобным действиям. Появилась надежда, что такое же изобилие будет сохраняться до Москвы, однако после этого нас снова встречали пожары и разруха. Происходившее в Рузе особенно взбудоражило народную фантазию, породившую истории о страшных злодеяниях французов и их лидера; подобные слухи распространялись из уст в уста по ходу нашего движения. С этого момента все до самой Москвы, за исключением отдельных сельских домов, было сожжено и разорено, а запасы, которые могли бы оказаться полезны армии, вывезены или уничтожены.

12-го мы прибыли в великолепный звенигородский монастырь. Он находился на пологом холме, поросшем пышными лиственными деревьями; несмотря на время года, эти деревья еще сохраняли дивный зеленый убор. Вокруг холма по прелестной долине бежала небольшая речка, так что положение монастыря по праву можно назвать романтическим, кроме того, оно позволяет говорить, что здешние духовные лидеры знали толк в выборе мест для своих сооружений.

Сам монастырь снабжен мощной стеной с бойницами; можно было бы легко счесть его крепостью, если бы над стенами не возвышались здания и башни с куполами диковинных форм. Все это производило необычное впечатление.

Монахи не покинули монастырь, просили пощадить святое место и держались с достоинством, соответствующим их положению. Один из них с бесстрашной откровенностью поведал, какая трагическая участь ожидает нас в ближайшем будущем, а так как все узнанное нами позволяло предположить, что духовные лица хорошо осведомлены о политической ситуации и даже

о положении вещей в Германии, многое из сказанного могло стать материалом для серьезных размышлений. И тем не менее мысль о том, что мы стоим на подступах к Москве, вытесняла все другие впечатления.

Москва

На следующий день мы спокойно продолжили наш поход на Москву. Путь шел через холмистую местность, порой, подлинно романтические края, мимо симпатичных сельских домов. Возраставшее количество освоенных земель говорило, что мы приближаемся к столице. Вечером 14 сентября она открылась нашим взорам.

Примерно за одну немецкую милю до Москвы мы подошли к высокому холму причудливой формы; сзади к нему лепились плохие деревянные дома, от которых расходились овраги. Холм заняли принц Евгений со свитой. Невозможно передать впечатления от развернувшегося перед нами необъятного царского города с его бесчисленными башнями, церквями и золочеными куполами. Небо, весь день покрытое серыми облаками, вечером прояснилось; в золотых маковках и большом кресте, украшавшем Кремль, отразились лучи вечернего солнца, преобразившие картину. Столь вожеленная цель наконец прямо перед нами! Завтра мы войдем в Москву! При этой мысли мое сердце начало бешено колотиться.

Непроизвольно на ум мне пришли крестоносцы: так же и они, должно быть, некогда стояли перед своей целью.

На внешнем восточном краю города, скрытом опушкой леса, в небо уже поднимался огромный столб дыма, но все утешали себя, что это, вероятно, полыхал подожженный противником склад. Никто не думал, что перед нами разверзлась могила наполеоновского величия и что вскоре нам придется покинуть Москву, обратившуюся в груды пепла.

Авангард 4-го армейского корпуса между тем встал на обоих берегах Москвы-реки. Артиллерия и кавалерия продвинулись дальше к городу. С нашего холма открывалась потрясающая панорама этого расположения войск, дополненная великолепным задником в виде огромного города. Тогда в последний раз я видел войска, выстроенные в боевом порядке как единое целое.

На Москве-реке у места нашей остановки не было моста, но при продолжительной сухой погоде река обмелела, и мы перешли ее без затруднений.

Принц Евгений, ночевавший в монастыре, как обычно, держался достойно, он внимательно следил за порядком. Но я не могу ручаться, что так же было после того, как мы уехали.

Один из главных поклонников Наполеона, старый лейб-медик Ассалини, сказал после переправы: «Обратите внимание на эту мягкую погоду, которая снова вернулась, сами стихии благосклонны к великому человеку, что является для нас счастливой приметой!». «Да, — подумал я, — если такая погода не окажется для него ловушкой, ведь зима может наступить раньше, чем вы об этом подумаете!»

Принц встал на квартиру в убогой деревне, примерно в часе пути от города, и ждал приказа императора войти в Москву.

Днем нашего вступления в роковой город стало 15 сентября. Рано утром армия, полная ожидания и организованная, насколько это было возможно, пришла в движение. Мы вошли в Москву без всякого сопротивления. Но что это был за вход! Слово хорошие актеры, мы играли в совершенно пустом театре. Улицы были безлюдны, дома словно вымерли, над городом стояла поистине зловещая тишина, нарушавшаяся лишь стуком лошадиных копыт; звук барабанов и труб эхом отдавался на пустынных улицах; офицеры и солдаты вопросительно смотрели друг на друга и покачивали головами, их лица выражали сомнение. Какой контраст с помпезным входом этой армии в столицы Германии, Италии, Испании! Бесчисленные зеваки заполняли там улицы, восторгаясь незнакомцами; среди них нередко были и представительницы прекрасного пола. Однако этот вход в пустые стены был чем-то совершенно новым. Каждый словно прозрел: все ужаснулись упорству, с которым русские осуществляли свой фанатичный план. Бранились, говорили о варварстве, ведь французы никогда не считали русских никем, кроме варваров. Стоило ли удивляться, что русские обратились к подобным методам!

Конечно, в Вене или Берлине распоряжение оставить город не было бы действительно, оно могло иметь силу только для народа, глубоко чтившего религиозные традиции и именно поэтому тесно связанного с троном.

Возможно, это покажется странным, но пустой город не потряс меня; я не удивился, так как просто не ждал ничего другого! До сих пор я участвовал в походе как тихий наблюдатель; все увиденное и услышанное подвергал

серьезному обдумыванию, часто сопоставляя внешне незначительные вещи; поэтому получалось, что предвидел многое, ускользавшее от других или намеренно ими не замечавшееся. Помогала в этом и моя молодость: недостаток опыта заменяла бодрость духа, я оценивал все беспристрастно и поэтому объективно.

Войска медленно и тихо двигались по бесконечным дорогам, пока мы не достигли Санкт-Петербургской улицы, где принц Евгений остановился в шикарном дворце князя Мамонова. Причудливый и непривычный архитектурный стиль города — только это возбуждало внимание войск и отвлекало от мрачных раздумий; и тем не менее, тягостное чувство, сопровождавшее вход в оставленный город и уничтожившее лучшие надежды, давило на каждого тяжким грузом, препятствуя порывам восхищения.

Дворец, занятый принцем Евгением, был выстроен действительно отменно; в комнатах находилось множество ценных предметов, которые несложно было бы забрать с собой, так что казалось, оставили их здесь специально.

Особенностью московских улиц было то, что между лучшими дворцами часто находились совершенно невзрачные деревянные постройки. К ним, в большинстве своем одноэтажным, примыкали двory, обнесенные забором с большими воротами. Я со своими лошадьми остановился в одном из таких домов около дворца Мамонова. Понемногу обустривая его для более длительного проживания, я уже начал привыкать к нему, как прибежал, запыхавшись, мой слуга и доложил, что недалеко в переулке он нашел очень хороший особняк, в котором остались жильцы; он еще не был занят, так что мне стоило поторопиться. Немедленно я отправился туда и обнаружил чудесную квартиру. Это оказался просторный каменный дом с обширным двором и конюшней на восемь лошадей. Внутреннее убранство соответствовало внешнему. Комнаты были прекрасно обставлены и свидетельствовали о состоятельности владельца. На входе меня встретил очень крупный человек с длинной и красивой окладистой бородой и в черном сюртуке, доходившем до щиколоток. Я не смог понять, кто он такой. Весь его облик и поведение были проникнуты достоинством и вызвали доверие. Я предположил, что это священник. Кроме него и нескольких слуг не было видно никого из жильцов; лишь несколько молодых симпатичных девушек, заметив меня издали, перебежали, как испуганные козули, из одного покоя в другой.

Меня провели в удобно меблированную комнату; на консольном столе стоял целый набор бутылок с различными напитками, и мне дали понять, что я могу использовать их по своему усмотрению. Так же хорош был выбор

кушаний, кроме того, я получил собственного слугу. Он приносил блюдо и вставал у дверей в необыкновенно покорной позе, скрестив руки, но стояло мне лишь намекнуть, что мне требуется, он мгновенно подходил или быстро отодвигал стул, когда я вставал.

Все было спокойно, и я надеялся отдохнуть после стольких трудностей. Однако эта беззаботность длилась недолго. Уже в первый день загорелась одна из удаленных частей города, а в течение ночи пожар усилился и приобрел угрожающий характер. Хозяин (или тот, кем он был) пришел в мою комнату и спросил, ломая руки, о пожаре — кто поджег, русские или французы. Разумеется, ответить было нечего, но меня сильно тронула эта сцена, и захотелось плакать. Я прилег на удобный диван, и вскоре на меня пролился освежающий бальзам Морфея. Полный сил, я проснулся через шесть часов, когда уже брезжил рассвет, принесший новые страхи.

Дисциплина и порядок, до этого еще поддерживавшиеся с большим трудом, быстро сменились распушенностью. Установленный Наполеоном строгий запрет на грабежи оказался невыполнимым. Сначала ситуацией воспользовались мародеры, прислуга и множество людей, которых этим и привлекала война, а поскольку в городе имелось много продовольствия и напитков, без безобразий и жестокостей не обходилось. Мало-помалу в дело вовлекались и солдаты, так что вскоре их бесчинства стали повсеместными. В подобных обстоятельствах в горящей и огромной Москве вряд ли кто-то хотел за ними следить! Москва была объектом надежды для солдат, они мечтали обрести здесь свою награду за неимоверные усилия, а не получив ее, как могли, брали свое сами. Можно было увидеть поразительные сцены. Сначала искали необходимое, но многие нагружались, как вьючные животные, вещами, которые с трудом могли унести. Мой собственный слуга с приятелем утащили множество тряпья и предметов роскоши. Все это собиралось в разраставшуюся кучу во дворе дома, где я квартировал. Несмотря на возмущение, я ничего не мог поделать, так как не желал связываться с собственным слугой. Все были пьяны и в большом возбуждении.

К мародерству добавлялось усиливающееся свирепствование пожара. Никакое перо, никакая кисть не способны передать мощь бушующей стихии. Звук, который она порождала, сравним только с шумом огромного водопада, вблизи которого можно совершенно оглохнуть. Кроме того, вообразите множество оттенков пламени, пожирающего разные материалы. Дым нередко заволакивал все вокруг, в небо поднимались столбы диковинных форм и расцветок — все это формировало зловеще-прекрасную картину. Ничтожно маленьким чувствует себя человек перед бушующей стихией, будь то воздух, вода или огонь.

Потушить дома не представлялось возможным: огонь мгновенно распространялся, быстро превращая в пепел целый квартал. Если даже пожар ослабевал в одной части города, то усиливался в другой. Было очевидно, что этим сознательно кто-то управляет.

Размышляя и восхищаясь, я бродил по улицам, но сил рисовать не было; в сражении, при большой опасности меня никогда не покидало нужное спокойствие, но сейчас мной владели впечатления от происходящего. Одно сменялось другим, так что я не успевал ничего прочувствовать в полной мере. Позднее я отчаянно сожалел, что не сделал хотя бы несколько штрихов: они были бы бесценны.

Случай привел меня к базару, который выглядел, словно крупная ежегодная ярмарка, и, если бы не серьезность ситуации, можно было бы найти много поводов для смеха. Все мыслимые товары и промышленные изделия в большой спешке выволакивались наружу. Каждый старался опередить другого. Огромный каретный ряд, полный великолепнейших новых экипажей и всевозможных изделий каретной промышленности, был одновременно местом оживленнейших событий. Офицеры и генералы запасались лучшими каретами; некоторые были реквизированы и для нужд принца Евгения. Огонь подобрался уже очень близко, нечего и гадать, что все скоро сделалось бы добычей пламени, — этим, возможно, и оправдывался грабеж.

На улице меня остановил знакомый генерал со словами: «Venez, Mr. Adam, il faut faire le voleur des tableaux!»¹. Он отвел меня во дворец с небольшой галереей ценных картин и скульптур, о которых я должен был высказать свое мнение. Как до, так и после всех этих событий я оставался лишь вынужденным наблюдателем. И в этот раз я не смог переступить через себя и присвоить хотя бы мелочь — столь оскорбительным для моего чувства такта было все, что творилось вокруг. Я не хотел прикасаться к чужому, даже если оно должно было стать добычей пламени; не могу сказать, прихоть это, гордость или чрезмерная сознательность, но вся моя природа сопротивлялась происходившему в Москве, хотя другие и попрекали меня за это.

Несколько дней я наблюдал за происходящим с большим беспокойством, погруженный в тревожные мысли. Не могу отрицать, что к русским как к нации за время этой войны я приобрел глубокое уважение. Частности здесь не в счет. Сельские жители — насколько я мог судить из своего общения с ними — были

добродушными, солдаты смелыми, а страшные самопожертвования под Москвой казались мне чем-то великим. <...>

В армии, особенно среди офицеров, царил полная беспомощность. Что теперь сделает Наполеон? Как будут развиваться события? Где придется проводить зиму? Все задавали друг другу такие вопросы. Слышались растерянные мнения и предположения, а один, обыкновенно неглупый, человек сказал, что вся армия отправится в Петербург на санях. И это говорилось не с иронией, а с горькой серьезностью. Большинство пребывали в состоянии апатии, не зная, чего ожидать; возник соблазн поверить в то, что и Наполеон находится в нерешительности. В противном случае стал бы он пять недель оставаться в выжженной Москве, дожидаясь зимы?

Я часто наблюдал триумф непобедимой, смелой армии и сопровождал ее во время парадного шествия; видеть же ее нынешнее плачевное состояние, когда она сама спешила навстречу гибели, было крайне болезненно. Правда, что у нас, немцев, нет причин особенно любить эту армию, но в ее рядах имелось множество славных мужей, напоминавших о великих, давно ушедших днях, — перед этими людьми мир не мог сдерживать своего восторга. Всегда грустно зреть некогда знаменитого и счастливого человека в жалком опустившемся состоянии; насколько же усиливаются наши переживания, если мы наблюдаем целое сообщество, идущее ко дну!

Я всю жизнь оставался верен своим немецким корням, однако вне политики и по-человечески проявлял живейшее участие в делах этой армии. К тому же она состояла не только из французов, их судьбу вынужденно разделяли тысячи немецких братьев.

Эти обескураживавшие обстоятельства держали меня в известном напряжении. На три-четыре дня я отстранился от окружающего, но в одну из ночей, глубоко задумавшись, долго бродил туда-сюда по комнате и наконец сел на подоконник, свесив ноги в окно и скрестив руки. В этом положении я долгое время вглядывался в пламя, постепенно приближавшееся к нашему дому. Той ночью пожар достиг невероятных масштабов, кругом, куда хватало глаз, не было видно ничего, кроме огня, словно весь мир хотел в нем раствориться. Передо мной все в четверти часа ходьбы стояла изумительная церковь с большим и четырьмя малыми куполами и позолоченными кровлями. Я смотрел на нее и думал, что в считанные часы и она станет жертвой жадного огня; меня охватила настоящая скорбь, и я решил, что больше не хочу оставаться свидетелем этого ужаса. Еще раз передо мной промелькнули все события моей жизни с момента выезда из Мюнхена до этой роковой ночи.

¹ Пойдемте, господин Адам, надо вынести картины! (*фр.*).

«Что ты все еще здесь делаешь? — обратился я к самому себе. — Ты — часть единого организма, пребывающего в больном состоянии, лучшим для которого будет, если мир покроет его мраком неизвестности и позволит ему пропасть в вечном забвении, вместо того чтобы передавать его образ потомкам. Чем ты здесь поможешь? Ты воздал должное своей чести, своему долгу, остановись, пришло время сказать: „До этого места и ни шагу дальше!“» Так мне стало очевидно, что мое пребывание в армии подошло к концу; это, а не страх перед новыми лишениями и опасностями, которые всех ожидали, привело меня к намерению вернуться любой ценой. Причины, ускорившие отъезд, были морального толка, иначе у меня никогда не хватило бы ни мужества, ни сил возвращаться домой в одиночку по территории врага и с такой твердостью следовать своему замыслу.

Я просчитал возможность осуществления своего плана, в том числе препятствия, опасности и трудности, которые могли бы встретиться на моем пути. На этот шаг я решился не легкомысленно — он был основательно обдуман.

Когда при Бородино я встретил шталмейстера Алеманью, не желавшего понимать, что такой художник и свободный человек, как я, способен вести походную жизнь, то придал мало значения его словам, но сейчас по-новому оценил свои творческие возможности и почувствовал, что могу стоять чего-то в жизни и не осененный сиянием двора. Воинских обязанностей я не имел; служба у принца Евгения не была связана с определенным временем. Я решил, если не получу отпуск, совсем отказаться от места. И все же надеялся, что до этого не дойдет. Легко понять, что в эту ночь я мало спал и рано утром отправился во дворец Мамонова. По дороге мне попался старый друг де Сэв. Он пристально посмотрел на меня огромными черными глазами и спросил: «Что с вами? Не замечаю спокойствия, которое привык в вас видеть». «Вы правы, я задумал кое-что серьезное», — ответил я. «Думаю, я догадываюсь: вы уезжаете, — прокомментировал он, — это на вас похоже; по правде говоря, я и сам сделал бы то же самое, если бы позволяла честь солдата. Но я прошу вас не быть опрометчивым! Что вы собираетесь предпринять, чтобы вас отпустили? Принц согласится на это неохотно или не согласится вообще!» «Это не повлияет на мое решение, — возразил я, — оно окончательно и хорошо обдуманно. Моя совесть чиста, я показал в сражениях, что у меня есть мужество, безропотно выносил все мытарства войны, однако эти разорительные действия повергают меня в ужас, а для того, что за ними последует, художник не нужен. Следующей весной, если армия еще будет в России, я могу вернуться. Принц справедлив, возможно, он милостиво отпустит меня, чего я страстно желаю». «Пойдемте вместе

во дворец, — сказал де Сэв, — там мы сможем подробно обсудить, как взяться за дело; если вы нас покинете, мне будет очень вас не хватать, однако не могу порицать ваше намерение, хотя меня и беспокоят связанные с ним опасности. Казаки уже повсеместно рыщут в тылу армии, о чем приходят ежедневные донесения, и я признаюсь, что скорее готов пасть от пули, чем попасть в руки этих варваров». Ведя такие речи, мы достигли дворца Мамонова; здесь мы решили, что де Сэв использует первый же удобный момент, чтобы расположить ко мне принца. День прошел так же, как предыдущие, в бесчинстве пожара, все ближе подступавшего к нашему кварталу. Часто ветер менял направление и появлялась надежда, что та или иная часть города уцелеет, но напрасно — бушующая стихия продолжала свирепствовать и постоянно требовала новых жертв.

Вечером принц велел всем собрать прислугу, нагрузить и заложить повозки, оседлать верховых лошадей и во дворе дворца Мамонова и перед другими дворцами ждать дальнейших распоряжений, чтобы по первому сигналу выдвинуться из Москвы. Полностью готовые, мы промучились на улице с восьми часов вечера до полуночи: ветер гнал дым и раскаленный пепел, из-за чего беспокоились лошади, не желавшие топтаться на месте, особенно мой конь, которого я впервые оседлал лишь за день до этого. Поэтому я поручил надежному человеку сообщить мне об отправлении и вернулся в свою квартиру, находившуюся недалеко; там во дворе я оставил слугу с экипажем и прошел в комнату. Очень уставший от предыдущей ночи, я сел на диван и заснул против своей воли, невзирая на угрожающие обстоятельства.

Я взял себе за правило учтиво обращаться с русским, обслуживавшим меня в квартире. Так, я отдавал ему остатки предназначенных мне блюд. Уговорить его принять еду стоило труда; он намекнул, что за это ему грозят побои, однако вскоре стал предан и доверчив. Этому русскому я обязан жизнью. Без него в ту несчастливую ночь я бы попросту сгорел. Я спал так крепко, что не услышал страшного шума и криков, поднявшихся в доме, когда его охватил огонь. В три часа утра русский слуга в отчаянии ворвался в мою комнату. Дом уже охватило пламя; в испуге я слетел вниз по лестнице. С диким ревом над двором поднимался огненный столб, засыпавший меня раскаленными искрами. Мой слуга с моим экипажем тем временем уже уехал: этот христианин-венецианец преспокойно бросил меня гореть в огне.

Охваченный ужасом, я бегал по городу. Сначала отправился к дворцу Мамонова, но он был пуст. Принц и его сопровождение, стало быть, покинули Москву. Куда теперь? Механически я прошел несколько улиц, как вдруг заметил свою карету. Мой аккуратный слуга как раз собирался выпрягать лошадей,

с которыми больше не справлялся. Взбешенный, я набросился на него с обнаженной шпагой и наверняка нанес бы ему удар в живот, если бы он, увернувшись, не убежал.

Я стоял в полном одиночестве посреди пылающей Москвы и боролся с двумя испуганными лошадьми, ставшими неуправляемыми из-за огня, непривычного для них впрягания в экипаж, а особенно из-за грубого обращения моего слуги. Наконец мне удалось оседлать одну из них, обуздать ее как верховую, взобраться на нее и при помощи шпор и кулака принудить лошадей к некоторому повиновению; тем не менее, долго еще одна из них тянула вправо, другая — влево или назад.

Не зная улиц и местности, я не мог найти дорогу и плутал по Москве целых пять часов. Я попадал на полностью заваленные улицы, перегороженные рухнувшими стенами и обуглившимися балками, так что приходилось разворачиваться. Хоть караул кричи! Самым неприятным было то, что я не знал даже примерного направления, в котором ушел принц и куда мне следовало направляться. Оставалось только следить, чтобы двигаться по еще не затронутым пожаром городским районам.

За ночь я не встретил ни одного человеческого существа: Москву покинула большая часть армии. Наконец, когда забрезжил рассвет, мне попались слонявшиеся по улицам мародеры из итальянской армии, ничего, однако, не знавшие о местонахождении своего штаба. Я отправился следом за ними и встретил патрульных. От них я узнал, что нахожусь недалеко от заставы, занятой итальянской гвардией. К восьми утра я добрался до этой долгожданной цели; здесь выяснилось, что принц Евгений и Наполеон выехали из зловещего города в Петровский загородный дворец. Путь туда я нашел с легкостью, так как дорога изобиловала войсками.

Охваченный противоречивыми чувствами, я с облегчением вздохнул, снова оказавшись за городом. Наконец Москва осталась позади. Позднее в моем дневнике появится запись: «Эту ночь я буду помнить всю жизнь!».

Если бы можно было бросить в Москве экипаж и отправиться дальше верхом! Но куда деть багаж? Особенно дороги мне были рисунки и портфель, которые хотелось забрать во что бы то ни стало. Кроме того, для возвращения мне в любом случае понадобилась бы карета.

Я счастливо избежал опасности сгореть и задохнуться в чаду, дыму и дожде раскаленного пепла. Из Петровского дворца можно было спокойно наблюдать грандиозное зрелище пожара. Настоящее огненное море, открывшееся нашим взорам, было устрашающе прекрасно. Казалось, не уцелеет ни один дом в городе; куда хватало глаз, до небес клубился дым, имевший из-за горевших материалов красно-желтый цвет. Словно земля собиралась раствориться в огне. С каждым

днем положение армии становилось все сомнительнее и безнадежнее. Уже не хватало фуража для лошадей, и можно было предугадать, что скоро закончится все, что необходимо для поддержания сил.

Полную растерянность усиливала и неясность нашего положения. Все слонялись в состоянии тупого безразличия. Но я знал, что мне нужно; мое решение отправиться в обратный путь как можно скорее не изменилось, хотя тоже не позволяло мне радостно смотреть в будущее. Увы, у меня еще не было разрешения принца, а каждый час промедления усложнял осуществление моего плана; к тому же череда ужасных событий в последние дни не позволяла вынести мое дело на обсуждение.

После шока, вызванного пожаром, Петровское позволило немного расслабиться; здесь все жили друг у друга под боком и могли спать спокойно. Солдат снова охватило определенное легкомыслие, которое часто случается, когда вслед за плохим периодом наступает хороший. Особенно это касается французов.

В Петровском я обнаружил прекрасный парк: он был переполнен экипажами генералов и высших офицеров, бесчисленным количеством лошадей и обслуживавшим все это персоналом. Несколько дней штаб-квартира Наполеона выглядела как в лучшие времена, но это было в последний раз! Жизнь закрутилась вокруг вещей, вывезенных из польхавшей Москвы. Осуществлялись всевозможные сделки и торговые операции, а самые дорогие предметы часто менялись на ничего не стоящие, в зависимости от потребностей. Комично выглядели биваки солдат, представлявшие собой нечто среднее между лагерем и ярмаркой. Ближе к императору все вели себя еще довольно прилично, однако в удаленных лагерях ситуация была отвратительна. Солдатам уже не хватало пищи, они одичали, деградировали до полной распушенности и уничтожали все, что не могли использовать.

После 20 сентября император вернулся в Кремль; пожар стих, особенно в этой части города. Вскоре последовали в Москву и мы. Удивительно, что выгорело все вокруг дворца Мамонова, где квартировал принц, однако само здание осталось нетронутым. Мой же дом обратился в кучу мусора, вызывавшую удручающее впечатление; с болезненным чувством думал я об обитателях дома, столь любезно меня принимавших, ведь дальнейшая их судьба мне была неизвестна.

Здесь, в Москве, моя участь решилась окончательно: я получил отпуск, 50 луидоров на проезд и подорожную грамоту с предписанием предоставлять мне квартиру и довольствие. Тут же я начал готовиться к отъезду. Мой друг де Сэв постался — он знал, как расположить ко мне принца, хотя тот согласился неохотно.

Сначала я нашел старого ветеринара, с которым путешествовал из Мюнхена в Байройт. На мой вопрос, готов ли он отправиться со мной в обратный

путь, тот ответил: «С вами я пойду хоть на край света!»». После этого я пригласил в качестве слуги одного молодого поляка, говорившего по-русски, немецки и французски. Две хорошие верховые лошади, которые у меня еще оставались, были обьежены. Укладка вещей заняла мало времени, потому что в период войны все всегда готово к маршу.

Насколько было возможно, я запасся провизией: прежде всего хлебом, окороком, копченым мясом, сыром, рисом и прочим. Также я позаботился о напитках, роме и различных водках. Хорошую шубу и необходимые мелочи я приобрел заранее и довольно дешево. За все я заплатил, не запятнав своей репутации, хотя у меня имелась возможность пожить.

Жившие в Москве немецкие купцы, уж не знаю как, узнали обо мне и моем намерении. Они разыскали меня, выразили желание присоединиться и настоятельно просили дать им на сборы всего один день. Я согласился очень неохотно — мне не терпелось отправиться в путь как можно скорее. К тому же я не очень стремился найти себе попутчиков — никогда не хотел связывать свою судьбу с другими, желая противостоять опасности в одиночку. Тем не менее, мы сговорились, так как купцы просили очень настойчиво.

Обратная дорога

24 сентября к условленному часу я прибыл на квартиру своих попутчиков; ветренная, промозглая и пасмурная погода предвещала нам мало удовольствия. Купцы еще собирались. Мужчины, женщины и дети в суматохе бегали туда-сюда. Каждый делал все возможное, чтобы как следует нагрузить два экипажа. Мое терпение подверглось тяжелому испытанию, пока, наконец, неуклюжая процессия медленно не выдвинулась. Я предрек этим добрым людям, что в такое время года, да еще по непроезжим дорогам на подобном транспорте далеко не уедешь, так что скоро им придется вернуться либо выбросить половину багажа. Это им вряд ли понравилось. Вся экспедиция складывалась так несуразно, что я не мог ожидать от нее удачных результатов.

Во время нашего неспешного движения по сильно выгоревшим и разоренным улицам огромного города меня охватила большая тревога; я действительно все хорошо рассчитал, но переход критической черты будит в душе потаенные чувства. Я оставлял здесь славных друзей и многих знакомых, с которыми долгое время делил радости и страдания, нужды и лишения, все

Вечер перед отъездом я провел в обществе этих людей на их квартире. Это были две славные семьи с женщинами и детьми. Во время скромного ужина с пуншем мы пили за путешествие, много говорили и под конец почти развеселились. Дамы держались крайне любезно, но хорошего расположения духа на двадцать четыре часа мне не хватило.

Прощание не далось так легко, как я надеялся, особенно больно было расставаться с верным другом де Сэвом и с некоторыми славными товарищами. Прощание с принцем Евгением оказалось не менее тяжелым, ведь я был предан ему. Меня одолевали мысли: «Что станет с этими людьми? Когда, где и как мы снова увидимся?». Едва я собрался уезжать, пятеро молодых людей из баварской королевской конюшни, выехавшие со мной из Мюнхена, подошли к моему экипажу; все они хотели отправиться со мной, но я не мог и не хотел их брать. Они целовали мои руки и горько плакали, прося передать слова их признательности обершталмейстеру, их начальнику, а также родителям и друзьям. Это происшествие огорчило меня еще больше. Впоследствии на родину не вернулся никто из них. Наконец, не меняя дня отъезда, я мужественно со всеми расстался.

военные тяготы. Трудности скорее служат сплочению людей, нежели счастливые моменты, легко склоняющие человека к эгоизму. До сих пор я был частью большого сообщества; от него получал защиту и, насколько это было возможно, питание и помощь в нужде. Меня знал почти каждый солдат итальянской гвардии, ведь во время всего похода они видели меня рисующим в свите принца Евгения, а также в их лагерях, на полях сражений, словом, везде. Покинув Москву, я остался один на один с огромной, совершенно чуждой мне страной. Необъятное пространство отделяло меня от родины; бесчисленные препятствия и опасности, подстерегавшие на пути, заставляли сомневаться, что я достигну своей цели. За всю жизнь я ни разу не был так неуверен в своем успехе, поэтому сказал себе: «С Богом! Будь, что будет; надо надеяться на лучшее, а готовиться к худшему!»». С такими мыслями, сильно взволнованный, но твердый в своем решении, я оставил Москву.

На конечной городской заставе мы узнали первые пугающие новости: оставшие вюртембергские солдаты, с трудом ускользнувшие от казаков, жаловались нам

и предостерегали от опасности дальнейшего продвижения. Хотя их слова звучали фатально, я наслаждался интонациями швабской речи. Солдаты сопровождали экипажи кронпринца из Вюртемберга, на этот раз им посчастливилось, но кто знал, что случится дальше! Я радушно поприветствовал их как земляков и двинулся своей дорогой. Не прошло и четверти часа, как мой слуга остановился, спрыгнул с козел, открыл дверцу кареты и бросил внутрь страшно грязный мешок, подобранный им прямо на дороге. Я отругал его, что он развел такую грязь в карете. «Но господин, — лукаво ответил слуга, — вы еще будете благодарить меня; это соль, а у нас ее нет». Мешок остался бы лежать на дороге незамеченным, если бы на него не наехало переднее колесо кареты. От этого он порвался, обнаружив свое содержимое. Не проходило дня, чтобы я не вспоминал слова моего слуги. Лишь в подобных обстоятельствах учишься понимать истинную ценность важных для человека вещей.

Еще через полчаса мы встретили конного французского егеря с карабином в руке, выставленного в качестве караульного. Он дал понять, что мы должны сообщить о себе генералу, остановившемуся в соседней роще. Там горел костер, а немного дальше помещался небольшой кавалерийский отряд. Генерал сидел под худой дощатой крышей за убогим столиком с письменным прибором и бумагами, и было заметно, что он не в лучшем расположении духа. Он посмотрел на меня и сухо спросил: «Куда вы направляетесь?». Когда я представил необходимую информацию, он в той же манере задал следующий вопрос: «Вы хотите попасть к русским?». Я ответил, что мне это вряд ли доставит удовольствие. «Что ж, — были его слова, — как я вам уже сказал, вы не сможете пробиться: судя по ежедневным прискорбным донесениям, на всем протяжении тракт одолевается неприятелем». Я возразил: «Возможно, мой генерал, у вас есть четкий приказ больше никого не пропускать?». «Нет, но я ожидаю его с минуты на минуту». «В таком случае, — сказал я решительно, — я прошу вас сделать одолжение и визировать мои документы. Вы видите, что мой покровитель позволил мне вернуться в Баварию, и я, по крайней мере, хочу попытаться это сделать». Генерал с удивлением посмотрел на меня, подписал бумаги и вернул их со словами: «Bon voyage!»¹. При этом в его взгляде читалось: «Ну ты и дурак!».

Один из моих спутников, также ходивший к генералу со своими документами, слышал весь разговор. Мои попутчики еще не отошли от испуга, вызванного предупреждениями вюртембержцев, и теперь, после всего услышанного, для них не могло быть и речи о продолжении путешествия. Купец поспешил к экипажам,

около которых разыгралась забавная сцена. Мое упорство приводило всех в ужас. Чтобы уговорить меня повернуть назад, были использованы все возможности красноречия. Женщины плакали, а одна горничная упала передо мной на колени прямо в грязь, умоляя вернуться и поберечь мою молодую жизнь. Это почти тронуло меня, однако времени на сентиментальные разговоры не было, и я остался непреклонен. Егерь, глазам которого предстала эта сцена, выглядел удивленным и усмехался в бороду. Наконец я вырвался. Мои спутники снова двинулись в Москву, а я в дождь и непогоду отправился навстречу страхам. Едва они отъехали, как мои лошади не захотели идти дальше и попытались повернуть, так что пришлось приложить усилия, чтобы ехать дальше. Животным были очень неприятны сильные встречные порывы ветра, кроме того, они уже привыкли к компании своих товарищей. Все выглядело так, будто даже лошади порицают мой замысел. Суеверный человек мог бы легко поддаться искушению и истолковать ситуацию как плохое предзнаменование, но мой внутренний голос кричал мне: «Мужество и настойчивость помогут тебе достичь своей цели! Доверься ангелу-хранителю, который до сих пор заботился о тебе!».

Мнимое легкомыслие, с которым я стремился к поставленной цели, может вызвать у читателя некоторое удивление, и, тем не менее, мое поведение не было таким уж безрассудным. Молва о небезопасной дороге в тылу армии, конечно, отчасти подтверждалась, но я знал, насколько слухи обычно ненадежны и извращены, и был убежден, что многие из них и в нынешней ситуации преувеличены. К этому прибавим, что во французов вселяло страх само слово «казак». Трезвая оценка помогла мне усомниться в правдоподобности значительной части пугающих историй. Поэтому я больше не оглядывался и мужественно двигался вперед, предоставив себя своей судьбе.

Продвигались с трудом, дорога была плохая, погода отвратительная, и поскольку лошади не хотели идти, мы постоянно с ними боролись. Тем временем предупреждения об опасностях множились ежечасно: мы встречали французских солдат, отдельных людей, нищих мародеров, потерявших свои полки и блуждавших без определенной цели. Среди прочих нам попался один гренадер итальянской гвардии с совершенно выжженным носом. Его борода загорелась, а следующей жертвой стал нос. Бедняга обратился к нам на плохом французском и был бесконечно счастлив, когда получил ответ на родном языке. Он оказался весьма словоохотлив и поведал нам множество страшных рассказов. Я налил ему стакан водки и поспешил дальше.

Первый день обратного путешествия не добавил радужных перспектив. Перед наступлением темноты мы увидели казаков воочию. Они в небольшом

¹ Счастливого пути! (*фр.*).

количестве показались вдалеке слева от дороги, в беспорядке высыпав на опушку леса на одном из пологих холмов. Мы на мгновение остановились, но решили двигаться дальше и при возможности уйти с дороги вправо, чтобы исчезнуть из их поля зрения. На ночлег мы остановились в укромной долине, раздумывая, что принесет следующее утро. Назойливый ветер, наконец, утих, взошла роскошная полная луна, осветив мою душу лучом надежды. Во все времена природные красоты, особенно звездное небо, легко побуждали меня забыть о хлопотах повседневности. Так было и в тот вечер. Я коротко подытожил события сегодняшнего дня и спокойно заснул под звездным пологом на лугу, где тек небольшой ручей, снабдивший нас и наших лошадей питьевой водой. Из боязни быть замеченными мы не стали разжигать костер и ограничились холодными блюдами. От ночных заморозков нас защитили шубы и плащи.

Точно так же, как вид восходящей полной луны принес мне внутреннее успокоение перед сном, утром я обрадовался великолепному восходу солнца. Красивое зрелище сохранялось недолго, вскоре горизонт заволкли темные облака, и непогода вновь вступила в свои права. Холодный дождь хлестал в лицо, являя скверный контраст с ясной лунной ночью, подарившей нам отрадный сон в столь благотворной тишине.

Мы снялись с места, отыскиали большую дорогу и едва отправились, как опять стали попадаться бродяжничавшие, порой легко раненные солдаты, сообщавшие нам разные сведения и выражающие опасения по поводу нашего предприятия. Им самим удалось пробиться через казаков лишь потому, что они еще были вооружены. К полудню мы услышали впереди грохот орудий, который, правда, продолжался недолго. Похоже, где-то рядом большой французский отряд сражался с противником. Это происходило в стороне от дороги слева от нас. Над лесом поднимался дым, так что нам ничего не было видно. Но было понятно, что мы находимся в рискованном положении. Впрочем, спустя час все стихло, дорога освободилась от неприятеля, и мы спокойно отправились дальше, не сталкиваясь с особенными препятствиями. После обеда нас ожидало приключение совершенно другого рода.

На дороге нам попала большая яма, в ней застрял фургон, возможно, предназначенный для лазарета; он был брошен, лошади выпряжены и вокруг не было ни души. В грязи валялись разные предметы, в том числе ящик, в котором находилось не менее центнера хорошего черного чая. Ящик оказался взломан, и было заметно, что до нас уже кто-то взял себе часть содержимого. Мы также хорошо запаслись чаем, который оказался очень кстати, поскольку позднее стал нашим единственным согревающим напитком холодными ночами. Вскоре застрял и наш экипаж, дорога пошла круто в гору и оказалась совершенно

непроезжей; колеса ушли глубоко в грунт, и все наши усилия выбраться были тщетны. Мы находились в этом скверном положении, когда мимо с двумя людьми проезжал офицер-драгун императорской гвардии; он остановился и с насмешливым видом наблюдал за нашими попытками привести экипаж в движение. Наконец он подъехал, спросил, откуда и куда мы направляемся, и, когда я сообщил эти сведения, заметил: «Если вы едете из Москвы, то у вас с собой должно быть много провизии и прочих замечательных вещей». На мое возражение, что я везу лишь необходимое для путешествия, он, жадно обшаривая экипаж глазами, спросил: «У вас есть вино?». «Нет». «Но должна же у вас быть водка?». «Да». «Так вот, если вы дадите моим людям хорошо выпить, я помогу вам вызволить карету, хотя лучшее, что вы можете сделать, это бросить ее здесь, так как далеко вы на ней не уедете!» Я отдал большую бутылку водки драгунам; они с удовольствием приложились к ней, а затем, по знаку офицера, протянули бутылку ему. Он также выпил, но потом оторвался от бутылки и неторопливо поехал вперед со словами: «Я отвезу ее своему капитану!». Драгуны, двое огромных и сильных мужчин, действительно помогли нам с каретой, и мы медленно двинулись дальше; однако не успели мы отъехать, как порожний конь одного из драгунов пронесся мимо нашего экипажа. Мой кучер, смелый и наблюдательный, как большинство поляков, громогласно закричал по-французски: «Господин, стреляйте: разбойники!». С двумя пистолетами в руках я выпрыгнул из экипажа и обнаружил одного из драгунов, пытавшегося вытащить привязанный сзади мешок с хлебом, зажатый между полкой для багажа и кузовом кареты. Грабитель дергал за мешок, отчего карета резко покачивалась. Эти-то качки и конь без седока выдали вора. Драгун, самолюбие которого еще окончательно не умерло, мгновенно отказался от своего намерения и извинился, сказав, что действовал по приказу своего лейтенанта. Я заметил на дороге еще одну суму с хлебом и хотел подобрать ее, но драгун попросил оставить эту еду ему, уверяя, что она — его собственная, отвязавшаяся от седла. Вот как обстояло дело! У этих людей были свои хлебные запасы, но они еще хотели ограбить меня; так мы остались бы без сухарей на четырнадцать дней.

Немного позже я наткнулся на небольшое пехотное подразделение и узнал, что большинство его солдат попали в плен после сражения с русскими. Один из офицеров был явно охвачен страхом. Он представил плачевное описание сложившейся ситуации и приложил все усилия, чтобы убедить меня в невозможности дальнейшего продвижения. Я возразил, что обратный путь в Москву таит в себе не меньше опасностей. Так на протяжении двух дней меня мучили и удерживали непрерывными предостережениями и безрадостными сообщениями,

но я не дал сбить себя с толку и продолжил путь. С приходом ночи мы оказались в брошенной и разоренной деревне. Было уже темно, когда мы остановились около почти целого сарая. Кучер отправился искать пристанище для лошадей и вернулся довольный, сообщив, что нам сегодня особенно повезло; он нашел просторное помещение и для нас, и для лошадей, а также солому, что было большой редкостью. Однако лошади начали испуганно фыркать, когда мы попытались завести их в сарай. Мой слуга, сделав шаг внутрь, споткнулся и наступил на тело. Оказалось, все пространство было заполнено мертвыми, лежавшими друг на друге. Так животные раньше нас почувствовали неладное.

Подобные ужасы еще долго попадались нам по пути. Когда мы входили в какой-нибудь дом с сцелевшей крышей, там обычно находились мертвые, а иногда и живые в плачевном состоянии и уже на пороге смерти; как правило, это были не раненые, а отставшие, блуждавшие без пищи в крайней нужде, плохо одетые и зашедшие в первый приличный дом, чтобы тихо умереть. Некоторые умершие явно были жертвами голодной смерти. Их кожа обтягивала скелет, и казалось, они не разлагаются.

Крыша одного дома была с довольно большим навесом; под ней мы поставили своих лошадей. Мой почтенный спутник вместе с кучером кое-как разместились рядом с ними, я же остался в карете. Огонь мы не разводили и на этот раз, поскольку наше положение все еще требовало максимальной бдительности, а в настоящий момент тем более, так как мы находились на главной дороге. Так завершился второй день путешествия.

Если днем погода была отвратительной, то ночью стала просто ужасной: дул сильный ветер, не переставая шел дождь со снегом; все, кроме меня, — и люди, и лошади — оказались в несчастном положении, они буквально боролись со стихией. Лошади ночью были крайне беспокойны, при этом самую лучшую из них постоянно выталкивали другие, испуганно жавшиеся к стене. Сколь беспечно, несмотря на грозившие нам опасности, спали мы в минувшую ночь, столь мучительно прошла эта. Казалось, она будет длиться вечно!

Впрочем, человеческое тело способно выдерживать совершенно непостижимые испытания. Пожилой ветеринар был мокрым насквозь, утром от холода дрожали и животные, и люди, и, тем не менее, в дальнейшем это никак не сказалось на человеческом здоровье, хотя я поплатился своим лучшим конем. Через несколько часов нам пришлось оставить его лежащим на дороге: у него начались колики, он упал, и врач лишил меня всякой надежды на его выздоровление. Потеряв скакуна, я был крайне удручен. Этот конь сивой масти был со мной 6 сентября при Бородино, когда я рисовал поле сражения и рядом просвистел

снаряд. Помимо прочих преимуществ, у него была особенно красивая грива, спадавшая вниз, и не менее выразительный пышный хвост. Я хотел срезать эти волосы и взять с собой, но ветеринар, не желавший задерживаться, категорически отказался предоставить инструмент. Грустно попрощался я с добрым животным, хорошо мне послужившим и пережившим много трудностей; затем мы медленно двинулись дальше на двух лошадях.

На третий день пути тревожные сообщения прекратились, и казалось, опасность угодить в плен к русским миновала. Сопоставляя различные новости и собственные наблюдения, я пришел к выводу, что перекрытие главной дороги не входило в планы русских; скорее, они старались пресечь любую возможность снабжения наполеоновской армии продовольствием. При этом на главной дороге и рядом с ней было мало источников утоления голода: все опустошено, сожжено, разрушено, путь усеивали группы людей и падших домашних животных, собак и кошек, что говорило о разрухе, голоде и нужде. Иной ситуация была в окрестностях, где еще было чем хорошо поживиться. Множество отставших, слонявшихся по стране, голод гнал прочь от дороги, но тогда несчастные попадали в руки казаков. И все же кое-кому из этой толпы бродяг удавалось достичь поселений, где еще можно было что-то раздобыть. И сегодня мне оказалось это на руку. Мы встретили нескольких солдат, гнавших перед собой примерно восемь — десять овец и пристегнувших к ранцам несколько кур. Я хотел купить одну овцу, но деньги мне не помогли; тогда я предложил солдатам хлеб и соль, и они охотно согласились на обмен — за один каравай и несколько пригоршней соли я получил прекрасного барана. Деньги тогда ценности не имели; мало кто сравнивал стоимость менявшихся и приобретаемых продуктов. Цену определяла сиюминутная потребность, а самые простые вещи часто приобретали огромное значение. Мы уверенно двигались дальше и вечером добрались до небольшой рощи, где отклонились от основного тракта и, обнаружив воду, разбили лагерь. Разведя огонь, мы забили нашего барана. Его разделали по всем правилам, и зажарили довольно большой окорок. Кроме того, сегодня нам повезло отведать супа. Горячие блюда и костер подействовали на нас чрезвычайно благоприятно, ведь три дня подряд мы не имели подобных преимуществ. В моем дневнике значится: «Третий день. Самая большая опасность позади, счастливый обмен, хороший лагерь, отличный ужин, прекрасная, но штормовая погода!». Подобные дни в тех условиях считались счастливыми! Тому, кто никогда не бывал в нашем положении, это может показаться странным, но все было именно так. Мы уютно сидели вокруг разгоревшего костра и жадно смотрели на кусок баранины, следя за тем, как он все лучше и лучше зарумянивался; за это время мы высушили у огня наши платья

и обувь, которые были сырыми, по сути, с самого выезда из Москвы. Приготовления к трапезе не заняли много времени; скатерти, тарелок и стаканов у нас не было, вся кухонная утварь состояла из медной кассероли¹, из которой мы вместе ели суп деревянными ложками. Мои собственные предметы сервировки и все, что было из серебра, у меня давно уже украли. Мясо просто разделали на дощечке и съели; так мы обычно и поступали, и радовались лишь тому, что появилась хоть какая-то пища. Мы почувствовали себя настолько удовлетворенными, что долго не вспоминали о сне; наконец, закутавшись в плащи, улеглись на земле и спали, пока не забрезжил рассвет.

Уже на четвертый день путешествия начались трудности с кормом для лошадей. Немного овса, с трудом запасенного в Москве, они съели, как и сено. Бедным животным приходилось довольствоваться корой молодых деревьев и плохой травой, которую они соскребали копытами с земли. Они ели также старую солому с крыш, но такие постройку попадались редко. Понятно, что при таком питании их силы постепенно таяли, и мы продвигались крайне медленно. На удачу, нам попались солдаты с лошадьё: это была местная порода с сильными костями и крепким телосложением. Так как она не имела седла и уздечки и ее вели попросту за веревку, наброшенную на шею, я спросил вояк, для чего она им. Солдаты ответили, что нашли животину. Тогда я поинтересовался, как они собираются ее прокормить. Те признались, что сами не знают. «Отдайте ее мне, — сказал я, — вам она не понадобится, и фураж вы нигде не найдете». Мы обсудили цену, и я выторговал кобылу за два луидора. Так счастливый случай помог частично заменить потерянного коня. В одно мгновение лошадь была запряжена и в дальнейшем показала себя молодцом.

При затянувшейся плохой погоде, дожде, ветре и бездорожье к вечеру без особенных приключений мы добрались до Можайска. Это бедное селение, ранее ничем не выдающееся, за время войны приобрело историческое значение. Город превратился в большой лазарет, переполненный страданием и нищетой. Везде, словно призраки, бродили больные, жалкие, изувеченные люди. А что творилось внутри горемычных деревянных хижин! В углу одного полуразрушенного дома мы нашли убогое пристанище. <...> На следующее утро 28-го мы выехали из Можайска. Попытка пополнить здесь необходимые запасы успеха почти не имела. Совсем немного еды и фураж на пару дней — вот все, что удалось достать по особой протекции, хотя имевшееся у меня распоряжение принца

давало полное право требовать довольствие и корм для лошадей. Когда это многострадальное место осталось позади, дышать стало легче.

Через пару часов мы проехали поле битвы при Бородино. Здесь перед нашими глазами еще раз живо предстали ужасы 5 и 7 сентября. Я бы с удовольствием остался здесь на день, чтобы сделать несколько важных зарисовок, на которые мне не хватило времени в дни сражения, однако в ситуации, когда не знаешь, чем будешь жить завтра, задерживаться без веских причин не особенно хочется.

Тем не менее, один раз я все же попросил остановить экипаж и прошел по достопримечательному для меня участку поля сражения; я увидел так много страшного и омерзительного, а здешний воздух был так отравлен, что я скоро вернулся. Не все человеческие и лошадиные трупы были погребены, и если бы мне нужно было правдиво изобразить состояние этого печального места через восемнадцать дней после сражения, получилась бы ужасающая картина. Особенно трагически выглядели семь человек, прижавшихся друг к другу рядом с мертвой лошадьё. Пятеро из них уже отмучались, смерть прервала их страдания, но двое еще подавали признаки жизни и могли говорить. Я не мог ни помочь им, ни взять их с собой, и признаюсь, что в какое-то мгновение меня посетила мысль подарить им смерть, освободив от мук. С ужасом отринул я это пугающее озарение и со вздохом сказал самому себе: «Все же война — это самое страшное!». Теми несчастными были русские, которые в таком бедственном состоянии пролежали на родной земле восемнадцать дней без всякой помощи.

Когда я рассказывал потом об этом, меня часто спрашивали, чем так долго питались эти люди. Я не могу сказать наверняка, потому что не понимал их языка, при этом их состояние не позволяло много говорить, однако предполагаю, что они выживали благодаря трупу лошади, рядом с которым находились.

Поле сражения при Бородино, и без того мрачное, теперь выглядело устрашающе пустынным. В течение часа мы не встретили никого, казалось, здесь не задерживалось ни одно человеческое существо: каждый стремился покинуть это место как можно быстрее. Унылая погода усиливала скорбное впечатление от всего, что мы видели. Мой ветеринар был счастлив, когда я вернулся; он не захотел выходить и с мучительным нетерпением ждал меня в карете.

Я впал в оцепенение; в молчании двинулись мы дальше по пустынной дороге, везде еще встречая следы боев. Через какое-то время мы добрались до монастыря, где надеялись встать на постой, но нашли лазарет. Новые подлинно трагические образы, представшие здесь перед нашими глазами, отпугнули нас. Вечером мы с нашими лошадьми расположились в большом сарае, ставшем сносным местом ночевки. Мы приготовили чай без сахара и молока, так как у нас

не осталось ни того ни другого, и съели остатки баранины. Страшные вещи, виденные мною в тот день, породили пугающие образы моего сна. Следующее утро снова было ненастным; при сильном ветре, в дождь и метель 29-го мы с трудом по грязи тащились дальше. Шел шестой день нашего непрерывного путешествия. Из-за скудного питания и плохих дорог лошади сильно устали. Особенно докучал частый западный ветер. Имело место странное явление: днем бушевала стихия, тогда как ночью погода обычно налаживалась.

После полудня у нас появились попутчики: купцы-евреи из Глогау в Силезии. Предприимчивые, как большинство иудеев, они сопровождали армию до Москвы с меркантильными целями, и чувствовалось, поездка не обманула их ожидания. Это были трое довольно молодых людей, безупречно выглядящих и находившихся в прекрасном расположении духа; они знали, как себя держать, а по одежде и внешности с первого взгляда в них нельзя было распознать иудеев. Они получили образование, как было принято в просвещенных кругах, но, видимо, неполное. Их транспорт состоял из повозки, крытой парусиной и запряженной четырьмя хорошими лошадьми. Купцы очень хотели ко мне присоединиться, хотя я совсем не стремился к этому. Я бы предпочел ехать в одиночку, чтобы не вызывать лишнего шума, однако не мог им ничего запрещать.

Надежда найти в крупном городе Вязме приемлемую квартиру снова не оправдалась; все оказалось так скверно, что мы еле дождались утреннего отъезда — а ведь месяц назад при чудесной осенней погоде мы останавливались здесь, полные упований на скорейший успех.

Ненастье постепенно улеглось во время нашего пути, и мы ближе познакомились с новыми спутниками. Они оказывали мне известное уважение и, по-видимому, придавали особое значение возможности путешествовать с офицером из свиты вице-короля. Также хотелось думать, что мой уверенный подход к любому делу внушал им больше мужества и надежду на дальнейший путь без приключений. У них были запасы сахара и кофе, и они предложили уступить мне какую-то часть за незначительное вознаграждение.

К полудню в одной из деревень нам посчастливилось найти фураж, что стало причиной огромной радости; мы досыта накормили несчастных лошадей и взяли некоторое количество с собой. Вечером мы заметили небольшую деревушку на холме и направились туда. Для лошадей подобрали место, защищенное, по меньшей мере, от ветра и непогоды; затем приготовили сносный ужин. Здесь тоже бродило множество больных и беспомощных французских солдат, искавших прибежища. Двое подкрались, словно привидения, к нашему костру и попросили разрешения немного погреться; их вид вызывал глубочайшее

сострадание, так что я велел дать им немного теплого супа. Они схватили посуду дрожащими руками и с жадностью поели. Затем легли, скукожившись, под моим экипажем и, казалось, заснули. Я не хотел им мешать и оставил там; наутро один из них уже умер, другой был при смерти.

На следующий день, 1 октября, снова появились слухи, что дорога неспокойна из-за казаков. Это вызвало большой страх у моих израильских попутчиков; они значительно ускорились, и моей упряжке, тянувшей тяжелый экипаж, приходилось напрягаться, чтобы успевать. И снова помог замечательный случай. Нам попался отряд французских солдат, у которых было трое животных на одну повозку; поторговавшись, я приобрел у них очень славную кобылу, которая к тому же была еще и в упряжи. После этого я с успехом мчался уже на четырех лошадях, так что к вечеру мы достигли города Семлёва¹. Он выглядел не лучшим образом. Подходы перекрывали палисады и различные защитные устройства, внутрь мы попали с трудом. Маленький гарнизон опасался нападения, а наше прибытие из Москвы вызвало в рядах военных крайнее удивление. Найденный нами здесь приют был снова чрезвычайно нищенский; в городах наши квартиры всегда оказывались самыми плохими. К тому же в сельской местности, даже при сквернейшей погоде, воздух оставался более-менее свежим, тогда как в городах казалось, что он отравлен. Поскольку мы прибыли в Семлёво до темноты, я отправился в штаб-квартиру коменданта и нашел там очень милых людей. Они подробно расспрашивали о ситуации в Москве и о наших приключениях на обратном пути. «Я действительно весьма удивлен, — сказал комендант, — что вы добрались до нас без происшествий, однако с прискорбием должен сообщить, что столь же спокойно доехать до Смоленска не удастся; казаки контролируют все уже в двенадцати часах пути до города, да и до нас добираются. На добычу продуктов и сена нам приходится отправлять целые отряды — во всем нехватка, и положение наше незавидное». «Это плохие новости, — был мой ответ, — но зачем вам еще и я? Вы сами говорите, что испытываете нужду. И при этом готовы содержать нежданных гостей? Я далек от того, чтобы подвергать сомнению ваши сведения, столь любезно мне поведенные, однако с тех пор, как покинул Москву, я постоянно слышу одно и то же, а вы согласитесь, что опасность не только ждет впереди, но и осталась позади. Никто не знает, что в дальнейшем предпримет Наполеон, и я не могу позволить себе просто сидеть здесь в неведении. Завтра я твердо намерен продолжить свой путь в Смоленск».

В штабе находились трое раненых при Бородино французских офицеров, успевших

¹ Кастрюля с длинной ручкой.

сострадание, так что я велел дать им немного теплого супа. Они схватили посуду дрожащими руками и с жадностью поели. Затем легли, скукожившись, под моим экипажем и, казалось, заснули. Я не хотел им мешать и оставил там; наутро один из них уже умер, другой был при смерти.

На следующий день, 1 октября, снова появились слухи, что дорога неспокойна из-за казаков. Это вызвало большой страх у моих израильских попутчиков; они значительно ускорились, и моей упряжке, тянувшей тяжелый экипаж, приходилось напрягаться, чтобы успевать. И снова помог замечательный случай. Нам попался отряд французских солдат, у которых было трое животных на одну повозку; поторговавшись, я приобрел у них очень славную кобылу, которая к тому же была еще и в упряжи. После этого я с успехом мчался уже на четырех лошадях, так что к вечеру мы достигли города Семлёва¹. Он выглядел не лучшим образом. Подходы перекрывали палисады и различные защитные устройства, внутрь мы попали с трудом. Маленький гарнизон опасался нападения, а наше прибытие из Москвы вызвало в рядах военных крайнее удивление. Найденный нами здесь приют был снова чрезвычайно нищенский; в городах наши квартиры всегда оказывались самыми плохими. К тому же в сельской местности, даже при сквернейшей погоде, воздух оставался более-менее свежим, тогда как в городах казалось, что он отравлен. Поскольку мы прибыли в Семлёво до темноты, я отправился в штаб-квартиру коменданта и нашел там очень милых людей. Они подробно расспрашивали о ситуации в Москве и о наших приключениях на обратном пути. «Я действительно весьма удивлен, — сказал комендант, — что вы добрались до нас без происшествий, однако с прискорбием должен сообщить, что столь же спокойно доехать до Смоленска не удастся; казаки контролируют все уже в двенадцати часах пути до города, да и до нас добираются. На добычу продуктов и сена нам приходится отправлять целые отряды — во всем нехватка, и положение наше незавидное». «Это плохие новости, — был мой ответ, — но зачем вам еще и я? Вы сами говорите, что испытываете нужду. И при этом готовы содержать нежданных гостей? Я далек от того, чтобы подвергать сомнению ваши сведения, столь любезно мне поведенные, однако с тех пор, как покинул Москву, я постоянно слышу одно и то же, а вы согласитесь, что опасность не только ждет впереди, но и осталась позади. Никто не знает, что в дальнейшем предпримет Наполеон, и я не могу позволить себе просто сидеть здесь в неведении. Завтра я твердо намерен продолжить свой путь в Смоленск».

В штабе находились трое раненых при Бородино французских офицеров, успевших

¹ Село Семлёво никогда не имело статуса города.

подлечиться настолько, чтобы вынести дорогу. В нерешительности сидели они в Семлёве вот уже несколько дней. Выслушав наш разговор с напряженным вниманием, эти люди обратились ко мне, решившись также пуститься в путь. Мы выехали из Семлёва рано, в туманную и зябкую погоду и вскоре наткнулись на выставленного в качестве часового *chasseur à cheval*¹. Угрюмый и основательно замерзший, он проревел в наш адрес низким басом: «Через четверть часа вы встретите казаков!». Тем не менее, не попытался нас остановить. Эти слова явно испугали моих новых спутников. Они предположили, что дорога при таком тумане слишком рискованна, нужно подождать, пока он спадет, иначе можно неожиданно нос к носу столкнуться с русскими. Я ответил, что не следует так сразу отказываться от нашего рискованного предприятия. Туман, напротив, спрячет нас от налетчиков, которые к тому же не дежурят прямо на дороге, по крайней мере, я уже убедился, что это не является их задачей. Впрочем, я был далек от того, чтобы уговаривать господ двигаться дальше, и не хотел брать на себя любую ответственность; они могут действовать по своему усмотрению, я же продолжу свой путь. Что я и сделал, а в некотором отдалении за мной медленно, как улитки, потащились французы.

Мы ушли еще не очень далеко, когда ситуация и впрямь осложнилась. Вдруг все заметили офицера, бегущего в нашу сторону по боковой дороге; он явно спешил к главному тракту, чтобы встретиться с нами. Поняв это, я замедлил движение. Догнав нас, он приветливо поздоровался по-французски и попросил немного внимания. Это был большой, сильный, весьма благообразный мужчина; манера держаться, речь и все его существо внушали уважение. После обычных расспросов, откуда и куда мы едем, он рассказал следующее: «Я полковник польского пехотного полка, находящегося где-то поблизости. Вчера вечером я оторвался от своих, чтобы переночевать в одном известном мне поместье. Найдя желаемый кров, я не имел других намерений, кроме как отдохнуть после долгих утомительных переходов, что мог себе позволить благодаря имевшемуся при мне серьезному конвою. Тем не менее, ночью мы проснулись от ружейных выстрелов; на нас напали казаки, превосходившие нас по численности, так что мои люди после мужественного сопротивления попали в плен, а конь и все, что у меня было, оказалось похищенным. Я сам едва ускользнул в ночной темноте, и теперь вы можете видеть: все, что у меня осталось, — это моя шпага. Впереди вы встретите мой полк, ему казаки дали пройти беспрепятственно, — они всегда избегают столкновения с большим количеством пехоты. Полк состоит из храбрецов, которые будут

драться до последнего. Скажите офицерам, что видели меня и что полк должен ускорить свое движение, а я буду ждать его в Семлёве. Если у вас хватит решимости продолжать путешествие, желаю, чтобы вам повезло больше, чем мне!». На этом мы расстались. Рассказ полковника давал пищу для серьезных размышлений и не обещал ярких перспектив на сегодняшний день. Через час мы действительно встретили этот полк, который, к нашему удивлению, еще был довольно многочислен и в хорошей форме. Он занимал всю ширину дороги; с обеих сторон его защищала цепь стрелков. Офицеры были крайне озадачены моим сообщением и рассказали, в свою очередь, что хотя казаки и не решились атаковать сам полк, все, кто двигался в обозе и экипажах сзади, попали в их руки. Прикрытие держало оборону, некоторые погибли, другие были ранены или взяты в плен, кроме того, все лошади, следовавшие за полком, стали добычей казаков. При этом захватчики заняли такую позицию в лесу, что пехоте невозможно к ним подступиться. Трем друзьям, отважившимся ехать с нами из Семлёва, такие факты показались уже чрезвычайными. Один из них обратился ко мне: «Ну, молодой человек, что вы скажете теперь?». «Ситуация выглядит очень опасной, но я не поверну назад», — ответил я. «Allez², — сказал он с нескрываемым гневом, — вы глупец». У них была маленькая русская повозка, запряженная тремя лошадьми. Заехав в толпу пехотинцев, они никак не могли развернуть ее, наконец остановились, выпрыгнули лошадей, вскочили на них и помчались назад в Семлёво — так быстро, насколько могли их лошади.

Позднее я думал: повезло ли этим трем господам, как и мне, вернуться на родину? На этот счет я сомневался. Мужества и решительности им явно не доставало.

Миновав полк, мы медленно и осторожно продолжили путь и через полтора часа прибыли к месту его сражения с казаками. Двое мертвых лежали в луже крови, а дымившиеся обломки сожженных зарядных ящиков и разных предметов ясно говорили, что недавно здесь шла борьба. Не могу отрицать, что при виде всего этого нам стало не по себе, но мы с облегчением сознавали, что казаки уже уехали, да и в течение всего дня мы их ни разу не видели. Размышляя и испытывая совершенно особые чувства, я уверенно продолжил путешествие: добрый ангел-хранитель защищал и сопровождал меня в пути! Я попал в опасное место в момент, когда угроза уже миновала, а ведь окажись я в нем несколькими часами ранее или позднее — ситуация, возможно, была бы иной. Не обременяя себя

печальным зрелищем, мы тихо проехали мимо и вечером прибыли к большому амбару недалеко от дороги. Я бы не обратил на него внимания, если бы не услышал внутри его шум. Остановившись, я прислушался и понял, что там скандалит. Вскоре моих ушей достигли хорошо знакомые интонации. Ссорившиеся кричали так звучно, что голоса слышались уже в четверти часа пути до этого места. Я отчетливо разобрал швабский акцент, вышел из кареты и направился в амбар. Здесь находились экипажи кронпринца, привезенные из Вюртемберга. Несколько солдат легкой кавалерии, их сопровождавшие, спорили и дрались. С моим появлением драка постепенно стихла. Нервы моих иудеев также не выдержали, они использовали возможность пошуметь и кричали громче всех. Ведь вчера они были напуганы скверными слухами, проделали порядочный путь из Семлёво и теперь встретились с вюртембержцами.

Этот случай помог мне завести хорошее знакомство с королевским объездчиком, сопровождавшим обоз. В компании этого образованного человека позднее я провел многие часы. В обозе, вместе с которым теперь ехал и я, было еще несколько хороших верховых лошадей, множество экипажей и повозок; кроме того, его сопровождали конные егеря и разная прислуга. Приятно было видеть в этом большом обществе и наших евреев, также присоединившихся к обозу. Однако временами меня посещали сомнения в надежности такого передвижения, ведь, судя по опыту, казаки почти всегда нападают именно на большие обозы, и я верил, что буду менее заметен, если продолжу путь в одиночку.

На десятый день нашего путешествия небо прояснилось, потеплело; и весь октябрь, за небольшими исключениями, стояла чудеснейшая осенняя погода. Случались даже дни, когда плащ оказывался не нужен, не говоря уже о шубе. Вечером десятого дня мы без помех добрались до небольшой деревни, найдя там сносное пристанище. Так же прошел и следующий день; без особенных приключений наша большая компания следовала своей дорогой. Замечательная погода позволяла не заботиться о доме для ночлега. Мы остановились в первом же удобном месте, разбили лагерь, сели вокруг костра, ели и пили и за оживленными разговорами и отменными шутками засиделись до полуночи.

На двенадцатый день силы моих лошадей окончательно иссякли, устал и кучер. Неспособные поспевать за всеми, мы изрядно отстали. Ночь провели в лесу. А на следующий день снова случайно встретились с вюртембержцами. В их компании мы провели сердечный вечер в одном дворце, располагавшемся в живописной местности; из его окон открывался вид на великолепный закат. В подобные мгновения охотно забываешь перенесенные превратности судьбы и вновь набираешься мужества.

На четырнадцатый день пришлось бороться с бесчисленными затруднениями. Наши лошади так утомились, что с трудом двигались. Упряжь разорвалась в нескольких местах и в довершение всего мы пропустили нужную дорогу, потеряли след наших спутников и лишь к вечеру с трудом достигли Смоленска.

Здесь главная опасность и основные злоключения завершились, однако впереди ждало еще много сложностей. С каким старанием мы преодолели путь в 130 часов за четырнадцать дней! Какое пространство еще отделяло нас от любимой отчизны!

Впрочем, ни скверная погода, ни какие бы то ни было препятствия на пути до Смоленска не подорвали мое здоровье; я прибыл туда полным сил и в идеальном самочувствии, мужество и решительность не покидали меня ни на мгновение.

Во время двухдневной остановки в Смоленске я распорядился отремонтировать упряжь, здесь же запасся фуражом и некоторыми продуктами (хотя в большом количестве ничего найти было нельзя). Короткий отдых пошел на пользу и лошадям, и людям.

Смоленск был довольно обжит французскими солдатами, но мне показалось, что в основном это мародеры и люди из госпиталя; крупного гарнизона я не встретил, поэтому решил не задерживаться в городе надолго.

На отдохнувших и хорошо накормленных лошадях теплым осенним днем 10 октября мы в высшей степени организованно двинулись дальше; я выбрал дорогу на Минск и рассчитывал оттуда дойти до Варшавы через Гродно. Таким должен был стать следующий отрезок нашего пути, однако в Минске меня ждал неожиданный поворот событий.

Два дневных перехода на пути из Смоленска в Минск прошли без происшествий. В первый день нам досталась пристойная квартира в симпатичной деревеньке, во второй, правда, — несравненно хуже. Но это не столь важно, когда ты привык радоваться пристанищу, мало-мальски защищающему от ветра и непогоды. 13 октября нам поочередно попались два монастыря. Первый был мужским и снаружи не выглядел угрожающе, поэтому мы попытались остановиться в нем на ночь. Но у входа нас встретил священник, отклонивший наше желание. Достоинство, которым был пронизан весь его облик, заставило согласиться с таким решением. Чуть позже мы приблизились к женскому монастырю. Во двор обители, окруженный стеной с единственными воротами, мы проникли беспрепятственно. Главное здание было закрыто, и мы не стали беспокоить монахинь, расположившись в соседней служебной постройке. Мы, очевидно, были не первыми незваными гостями, хозяйничавшими здесь. Опустошенный и грязный наш приют не имел уже ни окон, ни дверей.

¹ Конного стрелка (*фр.*).

² Вперед (*фр.*).

Здесь ночью с нами случилось необычное, почти комедийное приключение, хотя сначала дело показалось довольно серьезным.

Поскольку конюшню мы не обнаружили, я отвел лошадей в одну из комнат, в которой уже нечего было портить. К этому помещению примыкали меньшие по размеру покои с захудалой кроватью без перины. Здесь устроились ветеринар и кучер, взявшие в качестве подушек остававшийся у нас небольшой запас сена. Так как здание показалось мне слишком грязным, а ночь была спокойной и теплой, сам я спал в карете. Вдруг меня разбудили пронзительный вопль и шум, устроенный лошадьми. Я подумал, что мои люди попали в беду и, может быть, даже убиты. С саблей в руке я выпрыгнул из кареты и увидел при бледном свете, падавшем из окна монастыря, что одна лошадь стащила за волосы на пол моего кучера. Она почуяла и попыталась съесть сено, которое он положил себе под голову. При этом зубы лошади так застряли в его волосах, что она не могла освободиться, — ситуация понятная, если знать, что у того парня была густая курчавая шевелюра, а при жизни, которую мы вели, он не мог обеспечить ей хорошего ухода. Ветеринар поспешил на помощь, но лошадь от испуга постоянно пятилась и продолжала тянуть кучера, кроме того, остальные животные в беспокойстве топтались рядом, поэтому он не мог справиться в одиночку. Лишь вдвоем мы с трудом вызволили парня. Так был испорчен отдых, на который мы рассчитывали, оказавшись в монастырском уединении. Сам кучер отделался испугом и несколькими ударами копыт, не получив значительных повреждений. Поляк способен вынести еще и не такое!

День 14 октября принес новые опасности; рано утром мы потеряли дорогу, сильно отклонившись от правильного направления, правда, без последствий, и к полудню прибыли в маленький населенный пункт, где в изобилии нашли фураж. Только мы решили, что можем пополнить свои запасы, как наши лошади уже начали лакомиться. Однако вскоре мы были сильно разочарованы. Появилась группа крестьян во главе с помещиком, которые вели себя очень грубо и горели желанием избить нас. Помещик потребовал объяснений, почему я покинул главную дорогу, ведь там были склады. Здесь же военный тракт не проходит и тому подобное. Чтобы спастись, пришлось прибегнуть к хитрости. Я повел себя еще наглее крестьян, закричав, что сегодня им придется пожертвовать значительно большим, что я отклонился от тракта, так как на складах недостаточно запасов, а за мной едет обоз из шестидесяти лошадей. Я поехал вперед, чтобы оглядеться и подыскать квартиру. Эти мои слова и уверенность, с которой я их произнес, возымели нужное действие. Начались переговоры; помещик заверил меня, что мы до вечера без особого труда

доберемся до крупного поместья, где найдем значительно лучшее пристанище, чем здесь, и всячески расписал мне тамошние условия. Сначала я разыграл сомнение, достал из кареты большую, состоявшую из четырех листов карту России, расстелил ее на земле и долго разглядывал — так я затягивал переговоры, пока мои лошади наслаждались хорошим кормом. Благодаря моему уверенному поведению ситуация зашла так далеко, что мне предложили денег, если я позабочусь, чтобы мои люди прошли мимо. Я отверг это предложение с возмущением, написал на клочке бумаги несколько римских цифр, объяснив, что этот листок следует передать сержанту, когда подойдут мои люди, — это будут настоящие итальянцы, с которыми русским очень сложно объясниться, однако в этой записке я оставляю им предписание не задерживаться здесь, а следовать дальше. Так мы вышли из сложившегося затруднительного положения; сытые лошади мчались как ветер и благополучно, еще вечером, мы действительно добрались до указанного поместья.

Владелец поместья и его жена относились к образованному классу. Я вежливо объяснил им, что, к сожалению, потерял главную дорогу, и попросил разрешения остановиться до следующего утра. Нас приняли и накормили так, словно мы были званые гости. На следующий день, стараясь не беспокоить хозяев, мы вновь отправились в путь и вечером добрались до одной прелестной деревушки в стороне от тракта. Кучер обратил мое внимание, что здесь творится что-то неладное. По сторонам дороги прятались люди, внимательно изучавшие наш экипаж, кроме того, мой слуга слышал подозрительные разговоры, поэтому советовал мне быть начеку и не ночевать одному в карете. Я возразил на это, что не вижу ситуацию столь опасной: убить меня, пожалуй, не захотят, а ограбление я сумею предотвратить. Рядом с собой на сиденье я положил два пистолета, заряженных боевыми патронами. Мой слуга оказался прав: ночью я ощутил тряску кузова кареты и шепот. Я не пошевелился, но взял пистолеты и взвел курки, что было хорошо слышно снаружи. После этого все стихло, но затем кто-то попытался просунуть руку через задернутые кожаные шторы. Я резко ударил по ней стволом пистолета, так что рука быстро исчезла, и сразу после этого послышались шаги нескольких быстро удалявшихся людей. В дальнейшем мне уже никто не мешал.

Следующим утром мы встретили одного бедного иудея; за небольшие деньги он согласился сопровождать нас несколько часов и вывести на главную дорогу, по которой, согласно моей подорожной грамоте, я и должен был следовать.

На всем пути от Москвы и до этого места я замечал, что отклонение от военного тракта было опасно. За два дня, пока мы находились вдали от него, нам не встретился ни один солдат французской армии; нас легко могли убить

и никто бы этого даже не заметил. Подтвердились также слова помещика, что склады с продовольствием находятся именно на главной дороге. Мы получили фураж; наконец у нас появилась возможность лучше питаться, а также кормить лошадей; жаль только, что из-за больших трудностей, перенесенных ими ранее, они уже почти падали.

Без особых приключений мы с большим трудом тащились дальше еще шесть дней, пока 22 октября не оказались в трех часах пути до Минска.

Так с многочисленными трудностями и опасностями прошли полных четыре недели нашего 200-часового пути. Легко представить, что за время подобного перехода иссякают все запасы. Достойным сожаления было состояние наших лошадей, их вид вызывал у меня душевные страдания. Бедные животные так истощали, что насилу волокли ноги; на последний переход до Минска, чтобы преодолеть расстояние, которое обычный человек легко проходит пешком за три часа, нам потребовался целый день.

Я вспомнил начало своего путешествия, когда на смену пасмурному дню, в который мы покинули Москву, пришла чудесная лунная ночь. Как, удачно ускользнув от опасностей, мы нашли тихое и неприметное для людских глаз место для лагеря, как не отважились, боясь воров, развести огонь. Четыре недели спустя в столь же прекрасную ночь полнолуния при ясном звездном небосводе мы в последний раз заночевали под открытым небом, однако при совершенно других обстоятельствах.

После заката мы поднялись на небольшую возвышенность и увидели недалеко от дороги яркий костер, я разглядел даже разную кухонную посуду. Вокруг суетились люди, по-видимому, в приподнятом настроении, так что я сразу решил: «Нужно выяснить, кто они, там, кажется, очень весело». Я вышел из кареты и направился к огню. Удивлению моему не было предела, когда, подойдя ближе, я обнаружил у костра моих старых знакомых евреев. Они, увидев меня, изумились не меньше, и началось настоящее ликование. Кто-то произнес: «Сегодня радостный вечер, о котором мы будем с удовольствием вспоминать». Один из них достал из своей повозки кофейную посуду и сварил для всех кофе: они знали, что я отношусь к этому напитку с особым пристрастием. К столу я принес и кое-что из собственных запасов, позднее был также приготовлен грог. Нас всех охватило большое веселье, сделавшее тот вечер настоящим праздником. Вместе мы с удовольствием просидели далеко за полночь.

Когда кругом опасность, всегда приятно встретить людей, по-настоящему преданных. Всякий раз при встрече эти купцы демонстрировали мне свое расположение, и в их поведении не было никакого корыстного умысла. Возможно, им

нравилось, что я не относился к ним с предубеждением, бытующим в обществе в отношении евреев. Это было нетрудно: я всегда видел в человеке только человека, без оглядки на его веру, отчизну и положение, и легко находил с людьми общий язык, если примерял на себя их чувства и эмоции.

Через день после неожиданной встречи с иудеями, настоятельно просившими меня остановиться у них в Глогау, если мне случится там быть, я благополучно добрался до крупного города Минска. Это произошло вечером 23 октября.

В Минске я пробыл несколько дней; здесь пришлось кое-что уладить и продать (за бесценок) своих лошадей. Я не сомневался, что на этих бедных животных я дальше не уеду; перекладных мне не дали, так что у меня не осталось другого выхода, как ехать в Вильну на почтовой упряжке.

На следующий день после прибытия в Минск я отправился к губернатору, принявшему меня приветливо и долго со мной беседовавшему. Мои бумаги он отдал на подпись офицеру из приемной, который также оформил мне разрешение на получение почтовых лошадей. Когда я вернулся к себе на квартиру, то случайно заглянул в свой паспорт и заметил, что мне предписано двигаться через Вильну и Кёнигсберг, при этом в документе указывалась каждая почтовая станция, которую надлежало проехать. В подорожной грамоте значилось то же самое. Я немедленно вернулся к губернатору, сообщив, что в мои документы, видимо, прокралась ошибка, ведь я хотел отправиться по более короткой дороге через Гродно и Варшаву. Он со значением посмотрел на меня и сказал, подчеркивая слова: «Никто не ошибся, это сделали намеренно. Вы не можете следовать по тому маршруту! Отправляйтесь указанной мной дорогой. Счастливого пути!». При этом он был столь серьезен, что мне стало ясно — возражать бесполезно. Однако по пути домой я подумал: «До чего же странный человек, почему он вынудил меня делать такой кряк?». Так или иначе, я смирился с неизбежным и начал готовиться в дорогу.

Загадка, почему мне предписали такой маршрут, быстро разрешилась. Через несколько дней после моего отъезда из Минска в его окрестностях появился передовой разъезд русской армии под командованием Чичагова, прибывший из Турции, а во вторую ночь пути в Вильну начальники почтовых отделений уже начали колебаться, выдавая мне лошадей, так как распространился слух, что вокруг рыскают казаки. Если бы я поехал в сторону Гродно, то прямоком попал бы в их руки.

За две ночи до приезда в Вильну я пережил удивительное и одновременно самое отрадное приключение за все путешествие. Мы находились уже в двух остановках от города, когда я решил поменять лошадей. Перед станцией стоял

походный экипаж; было темно, но его очертания показались мне знакомыми. Так или иначе, я не стал задерживаться, а прошел в помещение, чтобы, согласно правилам, внести свое имя в почтовую книгу и запросить новых лошадей.

На длинных скамьях вдоль стен, под большими синими плащами спали два человека. Я обратил на них внимание, правда, мое сердце не забилося при этом сильнее. Желания разглядеть лица не возникло, к тому же не хотелось быть нескромным и подходить близко, поэтому я только спросил, кто они. Мне ответили, что это французский генерал и офицер кирасирского полка, прибывшие час назад. Удовлетворившись полученными сведениями, я вернулся в свою карету и уехал. Вскоре я прикорнул, и мне приснился мой дорогой де Сэв. Вдруг снаружи кто-то закричал во весь голос. Я не поверил своим ушам и подумал, что еще сплю, но крики продолжались все громче и отчетливее: «Господин Адам! Господин Адам!».

Я раздвинул кожаные шторы и увидел камердинера моего друга де Сэва. Он сообщил, что его господин пробудился вскоре после моего отъезда и вписал свое имя в почтовую книгу следом за моим. Помощнику же поручил мгновенно седлать курьерского коня и гнать его до тех пор, пока он меня не настигнет. Слуга прибавил, что из-за этого чудесного события де Сэв вне себя от радости. Он вскоре пустится следом и надеется встретиться со мной если не на дороге, то уж точно на следующей почтовой станции.

Кто способен понять, сколь искренние и нежные отношения были между мной и этим благородным человеком, оценить чувство благодарности, привязывавшее меня к нему, и те значимые моменты моей жизни, к которым оказался причастен и когда помогал мне де Сэв, — тот лишь отчасти может представить себе восторг, охвативший меня той ночью на чужбине.

Не могу сказать точно, какое из предзнаменований этой встречи было наиболее удивительным. Может, известный мне экипаж, в котором так часто ездил я сам, или спящие, почему-то привлечшие мое внимание, а может быть, сон, навеянный моей симпатией к де Сэву.

Я тут же приказал двигаться шагом. Но увиделись мы только на подъезде к следующей станции. Невозможно описать радость той удивительной встречи. В Вильну мы ехали уже вместе. Тогда я пережил три самых счастливых дня моего путешествия, и они быстро заслонили остальные. Как много всего хотелось рассказать друг другу! Сколько воспоминаний о прошлых счастливых часах ожили в дни нашего отдыха! Омрачал это общение лишь печальный взгляд на будущее и судьбу армии.

Де Сэв был отправлен в Вильну по делам принца Евгения и еще оставался в городе, когда я через три дня продолжил свой путь.

Вильна — крупный город, кипевший жизнью в те дни, так как туда стекались самые разные войска. За деньги здесь приобреталось все мыслимое. Я обновил часть своего гардероба и купил новую шляпу, так как в старой было уже неприлично появляться на публике.

При той огромной дистанции, которую еще предстояло преодолеть, продолжать путешествие экстренной почтой казалось мне слишком дорогим. Я опасался, что мне не хватит наличных, и поэтому договорился с одним евреем, чтобы тот доставил нас в Кёнигсберг за 40 талеров. Эти люди занимались в городе разными делами, но особенно распространен был извоз, которым промышлял и наш новый знакомый; он запряг в ряд пять лошадей, и мы двинулись в путь. Еврей был парень не промах, как и большинство лиц такого рода занятий; можно подумать, что он учился у какого-нибудь итальянского веттурино¹. К счастью, у меня уже имелся опыт общения с такими людьми — несколько раз, когда не помогало уже ничего, я применял рукоприкладство, впрочем, затем мы снова ладили; дело обычно касалось денежных споров и мелкого мошенничества.

Своего польского слугу я отпустил в Вильне; вскоре он нашел там другого хозяина, с которым отправился в Париж, а три года спустя он посетил меня в Мюнхене.

28 октября мы покинули Вильну, добрались до Ковно² на Немане и стали двигаться по правому берегу этой пограничной реки до Тильзита³. Здесь мы покинули Россию. Никогда не забыть мне чувства облегчения, испытанного мной, когда русские межевые столбы остались позади. <...>

При 22-градусном морозе я сутки напролет ехал с экстренной почтой в Мюнхен, куда прибыл утром 22 декабря.

Первым живым существом, встретившим меня дома, был мой пудель, которого я потерял по дороге в Торне; он стоял на лестнице и не хотел пускать меня внутрь. Большая шуба, в которую я кутался, помешала собаке сразу понять, кто пришел, но тем веселее стала сцена узнавания.

Напрасной была бы попытка передать радость встречи с супругой после столь долгой разлуки. Представить ее сможет лишь тот, кто, как и я, испытал искреннюю любовь женщины; для остальных же такие описания окажутся просто пустыми словами. <...>

1 Извозчик для путешественников, меняющий по пути лошадей.

2 Ныне Каунас.

3 Ныне Советск.